
Агата Лесневская
Я не останусь одна

Агата Лесневская

Я не останусь одна

«Автор»
2026

Лесневская А.

Я не останусь одна / А. Лесневская — «Автор», 2026

Семь лет Полина считала терпение добродетелью. Она научилась не спорить, не просить и не вспоминать, как именно звучали слова, после которых вдруг оказывалась виноватой. Муж щедр, красив и «просто заботится». Он решает, что ей надеть, с кем видеться и вернётся ли она когда-нибудь к рисованию, которое однажды бросила ради семьи.Но в один обычный день Полина находит письмо, на которое от её имени когда-то «отказались». И впервые за много лет делает что-то только для себя.Побег не бывает красивым. Страх возвращается, прошлое звонит по ночам, а новая жизнь начинается с одной комнаты, дырявой крыши и соседки, которая говорит правду в глаза. Но именно в маленьком городе на Волге, где её никто не знает, Полина узнаёт главное: одиночество, выбранное самой, не похоже на одиночество в браке.Можно ли начать заново в тридцать один? И что, если счастье придёт не как спасение, а как ещё один выбор?

© Лесневская А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Седьмая годовщина 5
Глава 2. Хорошая жена 8
Глава 3. Письмо без ответа 12
Глава 4. Первый год 15
Глава 5. Лисица и северное сияние 18
Глава 6. Три слова 22
Глава 7. Новоселье 25
Глава 8. Сестра 28
Глава 9. Тот вечер 32
Глава 10. Ледяной период 35
Глава 11. Шесть цифр 38
Глава 12. Бумаги на подпись 41
Глава 13. Вокзал 44
Глава 14. Хорошая неделя 47
Глава 15. Звонок 50
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Агата Лесневская
Я не останусь одна

Глава 1. Седьмая годовщина

К половине восьмого утка была готова.

Полина вытащила её из духовки, подцепила вилкой кожицу и убедилась, что та хрустит именно так, как надо: тонко, золотисто, с тёмной карамельной корочкой у крыла. Яблоки, запечённые вместе с птицей, пахли мёдом и тимьяном. На подоконнике остывал пирог с грушами, на столе в гостиной горели две свечи в тяжёлых подсвечниках, которые Глеб когда-то привёз из Праги и которыми запрещал пользоваться, потому что воск портит латунь. Сегодня Полина поставила их на стол и, пока никто не видел, чуть дрожащей рукой зажгла. Мелочь. Крошечный бунт против латуни.

В квартире было тихо, как бывает только в очень дорогих и очень вылизанных помещениях. Четыре комнаты на четвёртом этаже в Хамовниках, окна на старые тополя, потолки три двадцать, паркет ёлочкой. Глеб называл это «не роскошью, а порядком». Обувь в прихожей стояла строго носками к стене, книги на полках по цвету корешков, пульты на журнальном столике по росту. Когда Полина впервые заметила, что даже специи на кухне расставлены по алфавиту, она засмеялась и сказала: «Ты как музей». Глеб посмотрел на неё с лёгким терпеливым разочарованием, и она больше так не шутила.

Она оправила синее платье. Глеб как-то заметил, что в синем она «выглядит умнее», и с тех пор Полина покупала только синее, не отдавая себе отчёта, почему.

19:41. Она села на край дивана и достала телефон. Сообщение от сестры: «Ну что, герой пришёл? Передай, что я всё ещё жду открытку на День сестры, а он пишет их только своей маме».

«Ещё нет, — ответила Полина. — Задерживается. У него важная встреча».

«Седьмая годовщина, а у него встреча».

«Это не так просто, Ксюш. У него бизнес».

«У меня тоже был бизнес. Но на свою свадьбу я пришла».

Полина улыбнулась и убрала телефон. Ксения была младше на пять лет, и в её мире всё было проще: если человек не приходит вовремя, значит, он невоспитан. Полина же давно научилась читать расписание чужих настроений, как другие читают прогноз погоды: безветрие, облачность, возможен шторм.

20:15. Она убрала утку под фольгу.

20:50. Подогрела гарнир.

21:30. Погасила свечи. Потом зажгла снова: если Глеб войдёт и увидит, что они потушены, это будет выглядеть как упрёк.

В 21:58 пришло сообщение: «Задерживаюсь. Не жди».

Она прочитала его дважды и положила телефон экраном вниз. «Не жди». Хорошая коротенькая фраза, в которой нет ни «прости», ни «люблю», ни «через сколько». Просто: не жди.

Но она ждала.

Он появился в десять минут одиннадцатого, с цветами.

Пятьдесят одна роза, завёрнутая в чёрную бумагу, такие букеты Глеб заказывал в одном и том же салоне и приносил так, чтобы в прихожей сразу становилось тесно от запаха и от его присутствия.

— Прости, прости, прости, — сказал он ещё с порога, и голос его был тёплым, чуть хриплым, голосом человека, который устал за них обоих. — Инвесторы. Ты не представляешь, какая каша.

Он поцеловал её в висок. От него пахло дорогим одеколоном, коньяком и чем-то неуловимо чужим, чему Полина никогда не позволяла стать мыслью.

— Ничего, — сказала она. — Я тебя ждала.

— Я же писал, что задержусь.

— Ты написал без двух десять.

— Я писал в семь.

Она моргнула.

— В семь?

— В семь пятнадцать. — Он снял пальто и аккуратно повесил на плечики. — Полин, ты опять не смотришь в телефон. Я же просил. Мне важно знать, что ты в курсе.

— Я смотрела. От тебя ничего не было.

— Значит, не дошло.

Он произнёс это спокойно, без нажима, как человек, констатирующий факт. Полина взяла телефон и открыла переписку. Последнее сообщение: 21:58. Перед ним вчерашнее: «Купи молоко». Между ними ничего.

Она смотрела на экран и ощутилаощутила знакомое, липкое, как плесень, чувство: будто кто-то незаметно сдвинул все предметы в комнате на сантиметр, и теперь она не уверена, где что стояло. Она ведь проверяла телефон. Проверяла каждые пять минут, до тошноты. Но Глеб смотрел на неё с такой мягкой убеждённостью, что мысль «а вдруг я правда пропустила» подползла сама, как кошка к тёплой батарее.

— Наверное, не дошло, — повторила она. — Прости.

— Ничего. — Он улыбнулся, и улыбка была щедрой. — Что у нас на ужин?

Утка оказалась «немного суховатой».

Глеб сказал это ласково, отрезая тонкий ломтик и разглядывая его на просвет. Так ласково, что возражать было бы бестактно. «Но вкусно, — добавил он. — Ты старалась, я вижу». От этого «я вижу» Полине хотелось вытянуться по стойке смирно.

— Попробуй яблоки, — сказала она. — Они сочные.

— Яблоки отличные.

Он налил себе ещё коньяка, ей вина, и поднял бокал.

— Семь лет, — сказал Глеб. — Это много. Мало кто выдерживает. Я рад, что у меня ты именно такая. Терпеливая.

Он улыбнулся и чокнулся с её бокалом, и бокал звякнул мелодично и чисто, как звякает всё дорогое.

Терпеливая. Слово повисло над столом, над свечами, над остывающей уткой. Полина сделала глоток. Ей хотелось спросить: а что я, по-твоему, должна была терпеть? И где у терпения граница, за которой оно превращается во что-то другое? Но вопросы такого рода принадлежали другой Полине, которая жила когда-то давно, в маленькой комнате на Фрунзенской, рисовала по ночам цветными карандашами и считала, что слова существуют для того, чтобы произносить их вслух.

— Спасибо, — сказала она. — За цветы.

— Пустяки.

Он потянулся через стол, взял её ладонь и поцеловал пальцы. Рука его была тёплой и сухой, и на секунду, всего на одну, она увидела его таким, каким он был в первый год: взъерошенным, влюблённым, готовым часами слушать, как она рассказывает про свои картинки. Этот

человек, подумала Полина, ещё где-то там. Просто глубоко. Нужно только быть достаточно терпеливой, чтобы дождаться, когда он выйдет.

За окном шелестели тополя. Свечи догорали, и воск стекал на латунь крупными ленивыми слезами.

Глеб уснул быстро. Он всегда засыпал быстро, как люди с чистой совестью или с очень хорошими нервами.

Полина лежала на своей половине кровати и смотрела на потолок. Свет уличного фонаря падал сквозь шторы широкой полосой, и в этой полосе медленно плавала пыль, которую она не заметила при уборке. Она считала дыхание: вдох, пауза, выдох. Потом осторожно, по сантиметру, выскользнула из-под одеяла.

На цыпочках, не включая света, она прошла по коридору и притворила за собой дверь кухни. Присела на корточки у нижней полки шкафа, где в ряд стояли поваренные книги, и вытащила третью справа, красный том «Чехов. Рассказы» из серии, которую Глеб когда-то купил «для интерьера» и ни разу не открыл.

Между страницами сто девяносто восьмой и сто девяносто девятой лежал конверт.

Она пересчитала деньги по привычке, шёпотом, не доставая банкноты из конверта: мелкие купюры, сложенные в стопки по тысяче. Тысячи, пятисотки, сотни, одна смятая двухсотка. Тридцать четыре тысячи двести рублей.

Четырнадцать месяцев. Ровно столько Полина экономила на продуктах: Глеб выдавал ей на хозяйство двадцать пять тысяч в месяц, переводя на карту, к которой было привязано приложение с уведомлениями, и вечером она всегда слышала от него: «Ты купила сегодня сыр?» Он не контролировал, нет, он просто интересовался. Но интересовался настолько подробно, что Полина научилась ходить на рынок за дальним метро и платить наличными, которые брала в банкомате, делая вид, что потратила всё в супермаркете. Рынок давал разницу: триста, пятьсот в неделю. Не воровство. Не ложь, строго говоря. Просто маленькая, аккуратная, тайная дырочка в идеально ровной ткани их жизни.

Она держала конверт на ладони и думала, что тридцать четыре тысячи двести рублей это ничто. Билет на поезд в один конец и, если повезёт, месяц в съёмной комнате в городе, где её никто не знает. А если не повезёт, не хватит и на это.

«Куда?» — спросила она у красной обложки.

Чехов молчал.

Она положила конверт обратно, вернула книгу на место, придвинув вплотную к соседним, чтобы не торчала. Выпрямилась и стояла несколько секунд посреди тёмной кухни, в ночной рубашке, с босыми ногами на ледяном паркете.

Сегодня им исполнилось семь лет.

Или, если считать честно, семь лет и один день её терпения.

Глава 2. Хорошая жена

В субботу будильник не звонил, но Полина проснулась в семь, как просыпалась всю жизнь, когда нужно было успеть что-то сделать до того, как проснётся кто-то другой.

Она выскользнула из спальни, умылась, заплела волосы в строгую косу, потому что Глеб считал, что распущенные волосы по утрам «выглядят неряшливо», и пошла на кухню. К восьми на столе стояли омлет с зеленью, творожные сырники и кофе в той самой чашке, из которой Глеб пил кофе уже девять лет и которую запрещал мыть в посудомойке.

Он вышел в половине девятого, в белой рубашке с расстёгнутым воротом, свежий и красивый, как реклама зубной пасты.

— Доброе утро, — сказал он, садясь. — Мы в два у мамы, помнишь?

— Помню.

— Платье надень зелёное. То, что я привёз из Милана.

— Хорошо.

Он ел молча, листая новости. Полина сидела напротив и смотрела, как двигаются его пальцы по экрану, чуть длинные, тонкие, красивые. Ей вспомнилось, как восемь лет назад эти пальцы держали её руку на выставке, где она показывала свои иллюстрации к «Маленькому принцу». Двадцать три года, диплом полиграфического, сумка с акварелью и ни одного человека, который считал бы, что её рисунки стоят чего-то большего, чем похвала на зачёте.

Он тогда ухаживал красиво. Это была главная проблема: красиво, щедро, внимательно, так, что любое «нет» казалось неуместной неблагодарностью. Цветы каждую пятницу. Рестораны, в которых Полина не знала, какой вилкой что есть. Вечера, когда они лежалилежали на ковре в его квартире и он слушал, как она рассказывает про свои планы. А потом, потихоньку, незаметно, как вода в подвале, появились эти «давай я сам», «зачем тебе это» и «ты же понимаешь, что семья важнее».

— О чём думаешь? — спросил Глеб.

— Так, ни о чём.

— Это плохо. Нельзя думать ни о чём. Это ведёт к хандре.

Он улыбнулся, и она тоже.

В десять зазвонил телефон. Полина взяла его в ванной, закрыв дверь: мама. Валентина Сергеевна звонила каждую субботу в одно и то же время, из Тулы, из маленькой квартиры с геранью на подоконнике и телевизором, который не выключался до ночи.

— Поленька! Как вы там?

— Хорошо, мам. Мы вчера отмечали годовщину.

— Ну, слава богу. Глеб подарил что-нибудь?

— Розы. Очень красивые.

— Хороший мужчина, — сказала мама с тем особенным удовлетворением, с которым люди оценивают чужие удачи. — Не пьёт, не бьёт. Не то что наш отец.

Полина промолчала. Её отец ушёл, когда ей было девять, оставив матери долги и убеждение, что мужчины — стихия, перед которой женщине остаётся только пригнуться. «Не бьёт» было высшей похвалой, которой Валентина Сергеевна награждала зятя, и Полина давно заметила, что это сравнение работает как гипноз: рядом с ним любая обида выглядит капризом.

— Мам, — сказала она тихо. — А если человек не бьёт, но…

— Что «но»?

Она смотрела на своё отражение в зеркале: бледное лицо, коса, синяя тень под глазами, которую никогда не скрывал ни один консилер. Что «но», Поленька? Но каждый вечер ей надо отчитываться за сыр. Но она забыла, когда в последний раз выбирала что-нибудь сама. Но однажды она поймала себя на том, что разучилась отвечать на вопрос «чего ты хочешь?»

— Ничего, — сказала Полина. — Просто устала.

— Терпи, дочка, — вздохнула мама. — Все мужчины такие. Главное, что он тебя содержит. Ты не представляешь, как другие женщины мучаются.

— Знаю, мам.

— Вот и хорошо. Целуй Глеба.

Она положила трубку и ещё долго стояла, держась за раковину, пока не сошла с лица краска.

Квартира Ирины Львовны занимала целый этаж в старом доме на Остоженке: лепнина, зеркала в золочёных рамах, мебель, которую не меняли с девяностых и которая от этого казалась не старой, а историей. Мать Глеба встретила их в дверях в элегантном костюме цвета слоновой кости и с причёской, которую укладывали, судя по виду, не меньше часа.

— Мои дорогие! — Она расцеловала сына в обе щеки и протянула Полине руку для прикосновения, не для объятий. — Полиночка, ты прекрасно выглядишь. Хотя немножко осунулась. Глебушка, ты её кормишь?

— Мама.

— Я просто спрашиваю.

За столом собралось человек девять: двоюродная тётя Глеба, его друг Денис с женой Алиной, двое партнёров по бизнесу с жёнами, у которых были одинаково ровные зубы и одинаково безупречные манеры. Все разговаривали сразу, смеялись, передавали друг другу блюда с тем уютным шумом, который обычно возникает среди людей, давно привыкших друг к другу.

Полина сидела рядом с Глебом. Она ела салат, кивала, вставляла «да» и «конечно» в нужных местах, и в этой роли была так хороша, что никто бы не заподозрил, что она вообще чем-то обеспокоена.

— А как Ксения? — спросила Алина, жена Дениса, мягкая блондинка, о которой Полина знала только то, что она ни разу не сказала плохого слова ни о ком. — Она ведь в Петербурге?

— Да. Работает в театральной студии.

— Вы с ней часто видитесь?

— Раз в год, — сказал Глеб. — Они не слишком близки.

Полина открыла рот и закрыла. Это было не совсем так: они созванивались каждую неделю, и Ксения приезжала бы чаще, если бы её звали. Но Глеб сказал это так естественно, так просто, и вся компания кивнула, и поправлять его значило бы сделать сцену. Она улыбнулась.

— Так, наверное, лучше, — вставила тётя. — Сёстры вечно воюют.

— Мы не воюем, — тихо сказала Полина.

— Что, милая?

— Мы с Ксенией не воюем. Просто далеко живём.

Глеб повернул к ней голову. Улыбка осталась на месте, но в глазах что-то изменилось, как меняется лёд, когда на него надавят.

— Конечно, — сказал он ласково. — Полиночка у меня очень преданная сестра. Просто скромная. Не любит говорить о себе.

За столом засмеялись. Ирина Львовна подняла бокал.

— За мою невестку. Не каждому мужчине везёт с женой, которая так мало просит.

Полина тоже улыбнулась. Улыбка вышла настолько правдоподобной, что она сама почти поверила.

Это случилось за десертом.

Тётя, пожилая и добрая женщина, в разговоре заметила, что у неё в молодости была подруга-художница, и что «такая жалость, когда женщина зарывает талант». Она посмотрела на Полину с участием.

— А ты сама ещё рисуешь, деточка?

В комнате наступила пауза. Короткая, но Полина услышала её так же отчётливо, как слышат щелчок выключателя.

— Нет, — сказала она. — Давно нет.

— Полина решила, что семья важнее, — произнёс Глеб, не поднимая глаз от тарелки. — Это очень зрелый выбор. Я им горжусь.

И вдруг, неожиданно для самой себя, Полина услышала собственный голос:

— Я бы хотела вернуться.

Все замолчали.

Звякнула ложечка о блюдце. Денис кашлянул. Ирина Львовна повернула голову с видом человека, увидевшего на скатерти пятно.

— К чему вернуться, Поленька? — спросила она мягко.

— К иллюстрации. Я думала… может быть, немного. Для детских книг.

Секунду стояла тишина. Потом Глеб улыбнулся, широко и тепло, и накрыл её руку своей.

— Конечно, дорогая, — сказал он. — Когда будешь готова. Мы обязательно это обсудим.

Все облегчённо засмеялись, и разговор вернулся в привычное русло. Только Алина, сидевшая напротив, посмотрела на Полину внимательно, чуть дольше, чем следовало, и опустила глаза.

Рука Глеба на её ладони была тёплой. Пальцы сжимались, всё сильнее, пока не стало больно.

Он заговорил в машине.

Не сразу: сначала они простились с Ириной Львовной, спустились в лифте, сели в чёрный «Мерседес». Он молча завёл двигатель, выехал на Остоженку и только на светофоре у Кропоткинской произнёс очень тихо, без интонации:

— Ты меня сегодня выставила неблагодарным.

— Что?

— Перед людьми. Перед моей матерью. — Он смотрел прямо перед собой. — «Я бы хотела вернуться». Ты хоть понимаешь, как это прозвучало? Как будто я заставил тебя бросить всё. Как будто держу тебя дома силой.

— Глеб, я просто сказала…

— Я знаю, что ты сказала.

— Я не имела в виду…

— Полина. — Он наконец повернулся к ней. Лицо его было спокойным и очень усталым. — Я не хочу ругаться. Правда. Сегодня хороший день, и я не хочу его портить. Давай просто договоримся: такие вещи мы обсуждаем дома. Не при людях. Хорошо?

— Хорошо.

— Ты же понимаешь, что я забочусь о тебе?

— Понимаю.

— Я всё делаю для тебя. Для нас. И когда ты так говоришь, мне кажется, что ты этого не ценишь.

— Ценю, — быстро сказала она. — Конечно, ценю. Прости.

Он кивнул и положил руку ей на колено. Светофор переключился на зелёный, и «Мерседес» мягко тронулся.

Они ехали молча. За окном проплывали Пречистенка, Гоголевский бульвар, осенние деревья, золотые от фонарей. Полина смотрела на них и думала, что у неё затекла шея, что нужно будет вечером пересчитать конверт, что завтра в двенадцать у Ксении репетиция и, наверное, не стоит звонить, чтобы не разбудить.

У бутика на Арбате Глеб притормозил.

— Подожди минутку.

Он вернулся через десять минут с маленькой коробкой. Внутри лежал тонкий золотой браслет с крошечной подвеской в виде птицы.

— Это тебе. Просто так.

Она подняла глаза. Он улыбался, ясно и открыто, как человек, который сделал приятное и ждёт заслуженной награды.

— Спасибо, — сказала Полина. — Очень красивый.

— Надень.

Она надела. Браслет лёг на запястье холодной тонкой змейкой.

— Я люблю тебя, — сказал Глеб и поцеловал её руку. — Знаешь, мне кажется, что я всё-таки лучший муж, чем я о себе думаю.

— Ты хороший, — ответила она.

И в эту минуту поняла, что это одна из самых страшных вещей, какие она когда-либо говорила: потому что произнесла её совершенно искренне.

Он умел делать так, что благодарность и страх выглядели одним и тем же чувством.

Глава 3. Письмо без ответа

В понедельник, когда Глеб уехал в офис, Полина впервые за годы вышла из дома без списка.

Обычно список существовал всегда: аптека, химчистка, цветочный магазин для его матери, рынок, забрать посылку, проверить счёт за свет. Она выходила с ним, как выходят с билетом: чтобы не потеряться и чтобы в конце дня можно было предъявить отчёт. Сегодня в кармане лежала только карта и мятая пятисотка, и когда она спустилась во двор и поняла, что никто не ждёт её ни в одном из этих мест, ощущение было такое странное, как будто она вдруг сняла тесную обувь и обнаружила, что идти босиком можно.

Она дошла до Девичьего поля. Села на скамейку. Достала из сумки то, ради чего придумала эту прогулку: старый ноутбук Ксении, который сестра подарила ей три года назад «на всякий случай» и который Полина хранила в нижнем ящике комода, под летними вещами.

Глеб не знал, что он существует.

Она не собиралась ничего делать. Хотела только проверить почту. Свою, настоящую, старую, на которую приходили письма с конкурсов. Глеб когда-то решил, что у семьи должен быть один почтовый ящик, и все пароли «лежали в общем месте», в блокноте в ящике его стола. Старым адресом Полина не пользовалась годами, но и не удаляла его. Она вошла по знакомому паролю и не надеялась увидеть ничего, кроме спама и писем от налоговой.

Среди них было одно.

«Издательство «Добро». Нина Андреевна Старцева. Тема: Повторное предложение».

Полина перечитала строку. Потом ещё раз. Сердце заколотилосьзаколотилось так громко, что она оглянулась: не слышит ли кто.

«Уважаемая Полина! Пишу вам во второй раз. Мы познакомились с вашими иллюстрациями на конкурсе «Лучшая детская книга» шесть лет назад и с тех пор не выпускали вас из виду. Сейчас мы запускаем серию про северных животных, и нам очень нужен художник с вашим чувством цвета. К сожалению, на моё прошлое письмо я получила отказ, однако, возможно, обстоятельства изменились. Если вы всё ещё заинтересованы, напишите, пожалуйста, до конца месяца. Нина».

На прошлое письмо она получила отказ.

Полина медленно, словно во сне, прокрутила список вниз. «Нина Старцева, 14 месяцев назад». «Re: Предложение о сотрудничестве». И следом ответ, отправленный с её ящика, подписанный её именем, написанный так аккуратно и вежливо, что у неё закружилась голова:

«Здравствуйте, Нина Андреевна! Благодарю за предложение, но вынуждена отказаться. В данный момент я занята семьёй и не планирую возвращаться к работе. Желаю вам успехов. С уважением, Полина Руднева».

Она читала эти строки, и мир вокруг становился очень чётким, плоским, как нарисованный: скамейка, голые липы, мальчик на самокате, мимо которого проходила женщина с коляской. Всё было на месте. Но самым страшным была не само письмо. Самым страшным были слова «занята семьёй». Она никогда так не говорила. Это были слова Глеба.

Ей хотелось закричать.

Но кричать было нельзя, потому что она сидела на скамейке в центре Москвы, с чужим ноутбуком на коленях, и мимо шёл мальчик на самокате. Поэтому она сделала то, что делала всю жизнь: тихо закрыла глаза и сосчитала до десяти.

На счёт «семь» пришла первая ясная мысль: четырнадцать месяцев назад она хранила пароль в записной книжке, в блокноте, который лежал в ящике его стола, потому что он настоял, что «пароли нужно записывать в одном месте». На счёт «восемь»: четырнадцать меся-

цев назад был март. В марте она неделю лежала с температурой, и Глеб сам занимался почтой, потому что «ей нельзя перенапрягаться». На счёт «девять»: он ни разу не сказал.

На счёт «десять» Полина открыла глаза.

Они познакомились не здесь, не в этом городе и не в этой жизни.

Ей было двадцать три, и она ещё не знала, что красиво одетый мужчина с внимательными серыми глазами может оказаться опаснее любого уличного хулигана. Был апрель, сырой и ветреный, в маленьком зале на Чистых прудах открылась выставка выпускников. Её иллюстрации к «Маленькому принцу» висели в самом углу, рядом с туалетом, и каждые две минуты хлопала дверь.

Глеб остановился возле них минут на десять. Просто стоял, засунув руки в карманы пальто, и смотрел, как будто видел что-то, чего никто больше не замечал. Потом повернулся к ней, к девушке в мятом сарафане, которая пыталась стать невидимой за колонной, и спросил:

— Это вы нарисовали?

— Я.

— Скажите, а почему у принца такие большие глаза? Я не разбираюсь в живописи, но у вас там тоска, которая выглядит как надежда. Так же не бывает.

Она тогда покраснела до корней волос. Он улыбнулся. И в эту секунду Полина подумала, что вот оно: человек, который видит.

Он видел. Это было правдой. Но позже она поняла, что видеть и понимать это разные вещи, а видеть и использовать ещё и совсем другая, очень тёмная вещь.

Через две недели они вместе ужинали. Через три он познакомил её с друзьями. Через два месяца она переехала к нему из комнаты на Фрунзенской, потому что «зачем тебе платить за эту дыру, когда у меня пустая квартира». Через полгода Глеб сказал: «Нам нужно будет серьёзно поговорить о том, как ты проводишь время. Мне кажется, ты разбрасываешься». Через год она работала на трёх заказах сразу и не спала по ночам. Через полтора её выбрали на конкурс, на тот самый, «Лучшая детская книга», и она получила первое место в номинации «Иллюстрация».

Он обнял её тогда и сказал: «Я так тобой горжусь». А вечером, дома, за ужином, произнёс странным, как будто чужим голосом:

— Ты понимаешь, что тебя теперь все будут куда-то звать?

— Наверное. Это же хорошо.

— Хорошо, — повторил он. — Только не забудь, что у тебя есть семья.

Тогда она не поняла. Теперь, на скамейке, глядя на подпись «Полина Руднева», она вдруг очень ясно увидела его лицо в ту минуту: не гордое, а испуганное. Человек, который выбрал красивую птицу, вдруг обнаружил, что у неё есть крылья.

Она не пошла домой. Не могла. Просидела на скамейке почти до трёх, пока не затекли ноги, и всё это время ноутбук лежал у неё на коленях, и экран гас от неподвижности, и она тыкала пальцем в тачпад, чтобы он снова зажёгся.

Можно было устроить сцену. Это было первое, что пришло в голову: прийти вечером, положить перед ним распечатку, сказать: «Как ты мог?» Она даже придумала фразу. Потом представила его лицо. Спокойное, огорчённое. «Полина, ты же понимаешь, что тогда у тебя была температура. Я хотелхотел защитить тебя от стресса. Я не знал, что это так важно. Если бы ты сказала…» И её голос, который начнёт дрожать. И его рука на её плече. И ночь, после которой она окажется виноватой в том, что обвинила человека, который «только хотел как лучше».

Она знала этот сценарий наизусть. Он выигрывал в нём каждый раз.

Поэтому Полина сделала другое.

Она открыла новое письмо. Адрес Нины Старцевой всплыл автоматически. Курсор мигал в пустом поле, и это мигание казалось пульсом.

«Здравствуйте, Нина Андреевна. Прошлый год был для меня трудным, и на ваше письмо я не смогла ответить так, как хотела. Мне очень жаль. Я заинтересована. Мне нужно две недели, чтобы собрать новое портфолио. Если предложение ещё в силе, я буду очень благодарна. С уважением, Полина Ветрова».

Она остановилась на последнем слове. Подпись. Девичья фамилия, от которой она отказалась в загсе, улыбаясь на камеру. Она не была юристом, но почему-то знала, что имя это не просто буквы, а возвращение.

Она нажала «отправить».

Экран на секунду замер. Потом на нём появилась крошечная зелёная галочка: письмо ушло.

Полина закрыла ноутбук и долго сидела, прижав его обеими руками к груди, как держат что-то живое. Страха не было. Это было самое странное: страх, который она носила в себе так долго, что перестала замечать, вдруг куда-то делся. На его месте было что-то другое. Неровное, горячее, чуть тошнотворное, как перед прыжком в холодную воду.

Это называлось решимостью. Полина пока не решалась произнести это слово даже про себя.

В кармане завибрировал телефон. Глеб: «Ты где? Я звонил домой, никто не берёт».

Полина смотрела на сообщение секунд десять. Потом аккуратно набрала: «Вышла на рынок. Уже возвращаюсь. Что хочешь на ужин?»

Ответ пришёл через секунду: «Что-нибудь лёгкое. Целую».

Она убрала ноутбук в сумку, встала и пошла к метро. Впервые за семь лет у неё было что-то своё, маленькое, спрятанное в ящике под летними вещами. И впервые это «своё» тихо и упрямо тянуло её вперёд.

Глава 4. Первый год

Он ухаживал красиво. Это была главная проблема.

Полина вспоминала об этом потом, много месяцев спустя, в Заречье, когда уже не боялась вспоминать. Она лежала на узкой койке под ватным одеялом, слушала, как потрескивает печка, и вдруг, без всякой причины, перед глазами вставала первая весна: апрельский вечер, мокрые тротуары на Чистых прудах, он, идущий рядом, и огни в лужах.

Тогда ей казалось, что с ней происходит чудо. Не то, о котором пишут в книгах, с громом и молниями, а тихое, обволакивающее, вроде тёплого пледа в холодный день. Он не торопил. Он слушал. Это было так непривычно, что она растерялась: до этого мужчины в её жизни говорили, а она кивала. А этот спрашивал: «А что ты думаешь?» И ждал ответа.

— Почему ты нарисовала принца с такими огромными глазами? — спросил он на третьем свидании.

— Потому что он всё видит.

— И что он видит?

— Что взрослые давно перестали замечать главное.

— А что главное?

— Что рядом кто-то есть.

Он помолчал. Потом сказал: «Я хочу быть тем, кто есть рядом». И взял её за руку.

Она поверила. Как не поверить, когда у человека такие серьёзные серые глаза?

Первые месяцы были как сон.

Он водил её в рестораны, куда она никогда бы не вошла сама: с белыми скатертями, с тяжёлыми вилками, с официантами, которые двигались, как танцоры. Он заказывал за неё, и это казалось милым: «Я знаю, что тебе понравится». Он дарил цветы по пятницам, и каждый раз они были разными: ромашки, пионы, ирисы. Он встречал её с занятий, отвозил домой на такси, целовал в дверях и не пытался зайти.

Через месяц она призналась подруге, что, кажется, влюбилась.

— Он слишком хороший, — сказала Вика, прищурившись. — Так не бывает.

— Бывает.

— Где подвох?

— Нет подвоха.

— Всегда есть.

— Вика, ты просто завидуешь.

Подруга засмеялась, но глаза остались серьёзными.

Первое «не то» случилось в июне.

Он пригласил её на ужин к друзьям: к Денису, лучшему другу, и его жене Алине, которая тогда ещё была невестой. Полина надела единственное приличное платье: ярко-жёлтое, с короткими рукавами, купленное на распродаже. Она вошла в комнату, где сидели красивые люди, пахло дорогим вином, и кто-то сразу сказал: «О, как мило». Она улыбнулась. Села. Взяла бокал.

В такси, по дороге домой, Глеб молчал. Потом, глядя в окно, сказал:

— Ты хорошо держалась.

— Спасибо.

— Только одно. Жёлтый цвет тебя полнит.

Она моргнула.

— Что?

— Не обижайся. Я просто говорю, как есть. Мне важно, чтобы ты выглядела так, как заслуживаешь. Тебе идёт тёмное. Синий, например.

Она посмотрела на своё платье. Жёлтое. Её любимое. Купленное на первые заработанные деньги.

— Хорошо, — сказала она. — Учту.

— Умница.

Он взял её за руку и поцеловал ладонь. Она улыбнулась и подумала: «Какой внимательный. Заметил даже цвет платья».

На следующий день она купила синее.

В июле она переехала.

Это тоже вышло как бы само. Он однажды сказал: «Зачем тебе платить за эту дыру, когда у меня пустая квартира? Переезжай». Она колебалась. Комната на Фрунзенской была крошечной, с протекающим потолком и соседкой, которая храпела за перегородкой, но это было её. Она не говорила этого вслух. А он добавил: «Или ты не доверяешь мне?»

Это был первый раз, когда вопрос прозвучал как приговор. Не «хочешь ли», а «не доверяешь ли». На «не доверяешь» нельзя ответить «нет». Это значит обидеть.

— Конечно, доверяю, — сказала она.

Через неделю она стояла посреди большой, пахнущей новым деревом квартиры с двумя чемоданами и коробкой акварели. Глеб проводил её по комнатам, показывал, где что лежит, объяснял правила: обувь стоит носками к стене, в ванной нельзя оставлять мокрые полотенца, телефон лучше заряжать на кухне, а не в спальне. Всё это он говорил мягко, с извиняющейся улыбкой: «Ты не против? Я просто привык».

Она улыбалась и кивала.

Первую ночь она не спала. Лежала в огромной кровати рядом с тёплым, спокойно дышащим мужчиной и смотрела на потолок. Там не было трещин. Не было потёков. Не было ничего, на чём можно было остановить взгляд. И вдруг ей стало страшно. Не от него. От тишины. От слишком ровного, слишком чистого, слишком правильного пространства, в котором её присутствие казалось ошибкой.

Она подумала: «Привыкну».

Привыкла.

В сентябре она впервые увидела, как он исчезает.

Они поссорились из-за ерунды. Она встретила Вику, случайно, в магазине, и забыла сказать об этом. Он узнал на следующий день от Дениса, который видел их у кассы. Вечером он спросил: «Ты не рассказала, что встречалась с подругой».

— Это была случайность. Мы просто поговорили.

— Я не в обиде. Просто хотел бы знать.

— Хорошо. В следующий раз скажу.

— Спасибо.

Он вежливо улыбнулся, и она решила, что инцидент исчерпан. Но утром он вышел к завтраку, не поздоровался, не сел. Выпил кофе стоя и ушёл. Вечером вернулся поздно, прошёл в кабинет, закрыл дверь. На следующий день то же самое.

Три дня.

Она сначала не поняла. Потом поняла: он молчит. Не потому что занят. Потому что она сделала что-то не так, и он решил её наказать. Не криком, не упрёком. Отсутствием.

Она ходила по квартире на цыпочках. Готовила его любимые блюда. Оставляла записки. Плакала в ванной. На четвёртый день он вернулся с огромным букетом белых роз, встал на

колени прямо в прихожей и сказал: «Прости. Я не умею по-другому. Мне просто было очень больно думать, что я тебе не нужен».

Она разрыдалась. Обняла его. Они сидели на полу в прихожей, среди разбросанных лепестков, и она шептала: «Нужен. Конечно, нужен». И в эту минуту чувствовала такое острое, счастливое облегчение, как будто её вытащили из ледяной воды.

Она не заметила главного: за три дня она ни разу не спросила себя, а что, собственно, сделала не так.

Это тоже было частью системы. Научить человека, что вина всегда его, даже если он не знает, в чём.

Предложение он сделал в декабре, на крыше ресторана, под снегопадом.

Вокруг сияла Москва: огни, золото, чёрные силуэты башен. Играла тихая музыка. Он опустился на одно колено, достал коробочку, открыл. Внутри лежало кольцо с маленьким прозрачным камнем.

— Выходи за меня, — сказал он.

Она не могла говорить. Смотрела на него, на падающий снег, на лицо, освещённое свечой, и думала: «Вот оно. То, о чём мечтают. Человек, который видит, слышит, заботится. Который выбрал меня».

— Да, — сказала она.

Он надел кольцо. Поцеловал. Вокруг захлопали случайные посетители. Она плакала от счастья.

А ночью, когда он уснул, она лежала с открытыми глазами, глядя на тонкий золотой ободок на пальце, и вдруг, неожиданно, четко, как будто кто-то шепнул на ухо, подумала: «Я даже не спросила, хочу ли».

Мысль была пугающей. Она тут же отогнала её. Это просто нервы. Просто предсвадебная суета. Просто привычная тревога.

Она закрыла глаза и заставила себя заснуть.

Но мысль осталась. Лежала на дне, как камешек в обуви. Через семь лет она вернулась, но уже другой: не пугающей, а ясной. Не вопросом, а ответом.

Она не спросила, хочет ли. Потому что её никогда не спрашивали.

Глава 5. Лисица и северное сияние

Ответ Нины Старцевой пришёл на следующий день, и Полина прочитала его в читальном зале районной библиотеки на Комсомольском проспекте, на старом ноутбуке Ксении, прикрывая экран ладонью, как школьница шпаргалку.

«Полина, как же я рада! Я уже перестала надеяться. Две недели нормально. Присылайте три разворота к тексту «Лисица и северное сияние» (приложила). Нужен тёплый свет, живые глаза, никакой слащавости. Если получится так, как в «Маяке», о котором вы когда-то писали, будем делать серию. Нина».

«Маяк». Полина даже не помнила, что упоминала его в письме. Это была её единственная настоящая книга, ненаписанная, нарисованная только в голове: про старого смотрителя, который каждую ночь зажигал огонь для кораблей, но ни разу не видел ни одного. Она придумала его в двадцать два года, в общежитии, засыпая под храп соседки. Потом было знакомство с Глебом, потом работа, потом всё остальное, и маяк как-то незаметно погас.

Она нажала «ответить» и долго смотрела на пустое поле. Потом напечатала: «Спасибо. Всё сделаю». Стёрла «всё». Получилось: «Спасибо. Сделаю».

Она отправила ответ, закрыла ноутбук и ушла в женский туалет. В кабинке пахло хлоркой и мокрой тряпкой. Полина стояла, привалившись лбом к холодному пластику, и чувствовала, как по лицу ползёт что-то тёплое и неостановимое.

Это были слёзы. Она не сразу поняла. Давно уже плакала только тайком, в ванной, под шум воды, и не позволяла себе даже настоящих рыданий, так, чуть-чуть, чтобы не опухали глаза. А сейчас они лились легко, как дождь из давно набухшей тучи, и не было в них ни горя, ни жалости к себе, а только странное, почти радостное облегчение: оказывается, я ещё могу.

Теперь нужны были материалы.

Это оказалось сложнее, чем она думала. Глеб выдавал деньги на хозяйство, и каждую покупку нужно было объяснить. Объяснить краски было невозможно: у неё не должно было быть красок. Поэтому в среду Полина поехала на Арбат, в тот самый магазин, куда ходила студенткой, вытащила из конверта тысячу восемьсот шестьдесят рублей и купила акварель, две кисти, блок хорошей бумаги и карандаши. Сумма казалась чудовищной. Продавец, молодой парень с тоннелями в ушах, спросил: «Подарок?» Она сказала: «Да. Себе».

Оставалось тридцать две тысячи триста сорок. Она пересчитала в метро. Дважды.

Рисовать дома было нельзя. Рисовать на рынке тоже. Но в той самой библиотеке на Комсомольском проспекте стояли длинные деревянные столы у окон, за которыми в будни по утрам сидели две старушки с газетами и один студент с огромными наушниками. Никому не было дела до женщины с папкой.

Она заняла место в углу, у батареи. Разложила бумагу. Достала кисть. Рука дрожала, и Полина минуту сидела, не прикасаясь к листу, просто держа кисть над белым и чувствуя, как стучит сердце.

Потом окунула её в воду, потом в синюю краску, и провела первую линию.

Это было странно. Так странно, что она даже засмеялась, коротко, беззвучно. Рука помнила. Не голова, голова забыла, с головой пришлось бы договариваться, а рука. Рука знала, куда повернуть запястье, сколько воды набрать, как положить пятно, чтобы оно легло на бумагу небом, а не грязью. Семь лет простоя не стёрли ничего. Они лишь завернули это в слой пыли, как мебель в доме, куда давно никто не заходил.

К обеду на листе проступила лиса.

Она сидела на снегу спиной к зрителю, рыжая, тонкая, с поднятым хвостом, а над ней стояло небо: зелёные, фиолетовые, розовые полосы, будто кто-то провёл по нему огромной

мокрой ладонью. Лиса смотрела вверх, и по плечам её, по спине, по кончику хвоста стекал этот неземной свет, и в ней было что-то такое, чего Полина не планировала: не любопытство, а ожидание. Как будто она знала, что чудо придёт, и терпеливо стояла, пока оно не заметит её.

— Лисичка у вас живая, — сказал кто-то рядом.

Полина вздрогнула. Над столом склонилась одна из старушек, в вязаном берете, с газетой, зажатой под мышкой.

— Простите, не хотела мешать. Только вот она у вас ждёт. Прям как моя внучка у окна, когда мать с работы ждёт. — Она кивнула и пошла к стеллажам, оставив после себя запах «Красной Москвы».

Полина сидела, глядя на свою лису. Потом аккуратно, чтобы не размазать, опустила лицо в ладони.

С Викой они столкнулись у выхода из библиотеки.

Полина вышла, придерживая папку локтем, и едва не врезалась в женщину в светлом пальто, которая что-то искала в сумке. Женщина подняла голову. Секунду они смотрели друг на друга, и Полина успела подумать: «Какое знакомое лицо». А потом лицо расплылось в изумлённой улыбке.

— Не может быть. Полька!

— Вика?

Виктория Горская, Вика, лучшая подруга студенческих лет, которая когда-то спала на её раскладушке и ругала её за чрезмерную вежливость, стояла перед ней и смотрела так, будто увидела призрака. Она почти не изменилась: те же русые волосы, собранные в небрежный хвост, тот же острый нос, те же глаза, насмешливые и добрые. Только вокруг глаз появились тонкие лучики морщин.

— Ты куда пропала? — спросила Вика. — Я тебе писала. Звонила. Три года назад пришла к вам на новоселье, а твой муж сказал, что тебя нет дома. Я видела твои туфли в прихожей.

Полина открыла рот и закрыла. Она не помнила этого. Совсем. Или помнила, но как что-то смутное, не имеющее лица: «Вика заходила? Какая Вика?»

— Прости, — сказала она. — Я не знала.

— Ты не знала. — Вика склонила голову набок. — Ладно. Идём пить кофе. У меня полтора часа до пациента, и я не собираюсь тратить их на неловкое молчание на улице.

Кофейня на Пироговке была крошечной, с шестью столиками и запахом корицы. Вика заказала себе двойной эспрессо, Полине капучино и, не спрашивая, пирожное.

— Ешь. Ты прозрачная.

— Я нормально ем.

— Ты нормально делаешь вид, что ешь, — сказала Вика. — Я детский стоматолог. Я насмотрелась на детей, которые «нормально едят».

Полина отломила кусочек. Коричневый крем лёг на язык сладкой горечью, и она поняла — поняла, что не помнит, когда в последний раз ела что-то просто потому, что хочется.

— Ну, рассказывай, — сказала Вика. — Как ты?

— Хорошо. Очень хорошо. Мы с Глебом… всё замечательно.

— Угу.

— Он много работает. Я дома. Привыкла.

— Угу.

— Не надо «угу».

— Ладно. — Вика отпила эспрессо и посмотрела на неё поверх чашки. — Красивый браслет.

Полина опустила взгляд на запястье. Золотая змейка, птичка, холодное прикосновение.

— Подарок.

— Дорогой. — Вика поставила чашку. — Знаешь, что странно? Ты его носишь так, как будто извиняешься.

— Что?

— Как будто боишься, что его кто-то заметит, и тебя спросят, нравится ли он тебе. И придётся что-то ответить.

— Вика.

— Прости. — Подруга подняла руки. — Врачебная привычка: говорить то, что вижу. Не надо отвечать.

Они помолчали. За окном шёл дождь, мелкий и затяжной, и струи его чертили по стеклу кривые дорожки. Полина смотрела на них и думала, что могла бы встать, сказать «мне пора» и уйти. Так она делала с Ксенией, когда сестра заходила слишком далеко. Так делала с мамой. Но Вика была другим случаем. Вика была человеком, который знал её до всего этого.

— Помнишь, — сказала Вика, — ты когда-то говорила, что нарисуешь книжку про смотрителя маяка?

— Помню.

— Нарисовала?

— Нет.

— Жалко.

— Теперь я рисую лису, — выпалила Полина. И сама испугалась этого признания, как человек, который брякнул лишнее.

— Лису?

— Для издательства. Заказ. Небольшой. Я никому не говорила.

Вика смотрела на неё несколько секунд. Потом очень тихо, одними губами, сказала:

— Ну наконец-то.

Это было неожиданно. Полина ожидала вопросов, расспросов, советов. Но Вика просто сидела, улыбаясь, и в этой улыбке была такая огромная радость, что у Полины защипало в носу.

— Только Глебу не говори, — быстро добавила она.

— Я с ним не общаюсь.

— Я знаю. Но на всякий случай.

— Полька. — Вика наклонилась вперёд. — Я не буду допрашивать. Скажу только одно. Если когда-нибудь тебе понадобится кто-то, кому не надо объяснять, ты знаешь, где меня найти. В любое время суток. Без вопросов.

Она достала из сумки визитку, на обороте быстро написала номер и протянула. Полина взяла. Бумага была чуть шершавой, тёплой от ладони.

— Спасибо, — сказала она. И ужаснулась: голос прозвучал так тихо, будто боялся быть услышанным.

Дома Глеб оказался раньше обычного.

Полина поняла это ещё в лифте: сквозь дверь пробивался звук телевизора, которого днём никогда не бывало. Она вдохнула, выдохнула, отряхнула с пальто капли и вошла.

— Привет, дорогая.

Он сидел в гостиной на диване, в домашней рубашке, с ноутбуком на коленях. Улыбался. Всё в нём было мирным и расслабленным, и только по тому, как он не отрывал глаз от экрана, Полина поняла: что-то случилось.

— Ты рано.

— Отменили встречу. Где была?

— На рынке. Потом зашла в библиотеку.

— В библиотеку?

— Хотела взять что-нибудь почитать.

Он поднял голову. Взгляд был ровным, серым, внимательным.

— Ты же не любишь читать. Ты говорила, что от книг у тебя голова болит.

— Я такого не говорила.

— Говорила. Два года назад, когда я предлагал тебе записаться на курсы.

Она хотела возразить. Но понялапоняла, что не помнит. То ли говорила, то ли нет. Как будто её собственные слова лежали где-то в других карманах, и Глеб был единственным, кто знал, в каких.

— Может быть, — сказала она. — Но захотелось.

— Хорошо. — Он вернулся к экрану. — От тебя пахнет кофе.

— Я зашла в кофейню. Просто выпить капучино.

— Одна?

— Одна.

— Странно. — Он не повернул головы. — Ты же не любишь пить кофе вне дома. Говорила, что он горький.

Её сердце сделало один тяжёлый, глухой удар. Она не говорила. Она точно знала, что не говорила. Но произнести это вслух значило поссориться, а ссориться у неё не было сил.

— Сегодня была дождливая погода, — сказала она. — Хотелось согреться.

— Конечно. — Он улыбнулся, наконец поднял на неё глаза. — Ты у меня умница. Кстати, я хотел с тобой поговорить насчёт наличных.

— Каких?

— Тех, что ты берёшь в банкомате. Я смотрел выписку. Ты снимаешь по несколько тысяч в неделю. Зачем?

Полина почувствовала, как у неё холодеют руки.

— На рынок. Там картой не везде.

— Но в супермаркете ты тратишь на еду больше, чем нужно, а на рынок снимаешь ещё. Это нерационально. — Голос его был мягким, терпеливым, как у учителя, который в сотый раз объясняет таблицу умножения. — С завтрашнего дня давай всё оплачивать только картой. Так проще вести бюджет. Я хочу, чтобы мы знали, куда уходят деньги.

— Хорошо.

— Ты же не против?

— Нет.

— Вот и славно. Иди переоденься, ужин через час.

Она кивнула и пошла в спальню. Закрыла дверь, села на край кровати и несколько секунд смотреласмотрела на свои руки, лежащие на коленях. Они были чистыми, с розовыми ногтями, ни пятнышка краски. В сумке, в потайном кармашке, лежали две кисти и визитка Вики.

«Наличных больше нет, — подумала она. — Только то, что лежит в Чехове».

Тридцать две тысячи триста сорок рублей. Теперь это была не просто сумма. Это был единственный воздух, который у неё остался.

Глава 6. Три слова

Вика Горская умела успокаивать детей.

Это был её единственный настоящий талант, и она знала ему цену. В детской стоматологии на Пироговке она работала девять лет, и за девять лет через её кресло прошли тысячи маленьких людей, которые не хотели открывать рот. Они кричали, кусались, вырывались, прятались под столом и прикидывались спящими. Вика не торопила. Она садилась на пол, доставала из кармана халата маленького плюшевого дракончика и говорила: «Он тоже боится. Давай ему поможем».

— Он не боится, — говорил, шмыгая носом, шестилетний человек.

— Боится. Просто делает вид.

— Почему?

— Потому что бояться стыдно. А на самом деле нет.

Иногда это работало. Дети замолкали, смотрели на дракончика, потом на неё и осторожно, по сантиметру, разжимали губы. Она никогда не обманывала. Никогда не говорила «не больно», если могло быть больно. Говорила: «Будет немножко неприятно. Но я рядом».

В тот вечер, после последнего пациента, она долго сидела в кабинете с выключенным светом, глядя на пустое кресло.

Они не виделись три года, и в этом была её вина.

Вика знала это точно, не как гипотезу, а как факт, о который можно споткнуться в темноте. Три года назад, в апреле, она пришла на новоселье к Полине и Глебу. Принесла бутылку вина, букет тюльпанов и коробку конфет. Позвонила в домофон, дождалась, пока ей откроют, поднялась на четвёртый этаж.

Дверь открыл Глеб. Красивый, спокойный, в светлой рубашке, с бокалом в руке.

«Вика! Какой сюрприз».

«Привет. А Полина?»

«К сожалению, ей нездоровится. Лежит. Просила передать, что очень сожалеет».

«Я на минуту. Просто обнять».

«Боюсь, не стоит. У неё мигрень. Свет, шум...» Он улыбался так искренне и тепло, что любые возражения казались грубостью. «Передам, что ты заходила. Она очень обрадуется».

Она ушла. Вышла на лестницу, спустилась на два пролёта, остановилась. И услышала, как наверху, в квартире, хлопнула дверь. Не та, входная. Другая. Дверь комнаты. И голос Полины, приглушённый, торопливый: «Глеб, это кто был?»

Вика могла вернуться. Могла подняться, позвонить ещё раз, сказать: «Я слышала. Выйди и поздоровайся». Но стояла между этажами, держась за холодные перила, и думала: «Не лезь. Они взрослые люди. Может, правда мигрень».

Она не вернулась.

Через неделю написала Полине. Ответ пришёл короткий, вежливый: «Прости, закрутилась. Давай на днях». Через месяц позвонила. Полина взяла трубку, сказала, что занята, что перезвонит. Не перезвонила. Через полгода Вика отправила открытку с днём рождения. Ответ: «Спасибо, дорогая! Целую». Без подробностей, без приглашения. Словно писали по шаблону.

А потом она сдалась.

Не потому, что перестала любить, а потому, что не знала, что делать с человеком, который не хочет, чтобы его спасали. Она убедила себя: «Это её выбор». И жила дальше. Работала, ходила на свидания, ссорилась с матерью, лечила зубы. И каждый год в апреле, в день того новоселья, чувствовала холодный укол: ты могла вернуться.

Она встретила её случайно.

Вышла из кофейни, и в двух шагах, у дверей библиотеки, стояла женщина с папкой в руках. Бледная, тонкая, с огромными глазами. Вика увидела её раньше, чем осознала, что видит. И сердце ухнуло.

«Полька!»

Она готовилась к чему угодно: к холодному «привет», к неловкому молчанию, к бегству. Но Полина обернулась, и на лице её мелькнуло то, чего Вика не видела много лет: радость. Живая, неподдельная, чуть испуганная. Как будто человек, которого долго держали в тёмной комнате, вдруг увидел окно.

Они пили кофе. Вика смотрела на подругу и считала: худая, как щепка. Ногти обкусаны. Когда она говорила, то прикрывала запястье ладонью, и под ладонью поблёскивал золотой браслет: тонкий, красивый, чужой. Он сидел на её руке, как маленькая цепочка.

«Красивый, — сказала Вика. — Ты его носишь так, как будто извиняешься».

Она не собиралась этого говорить. Слова вырвались сами. И Полина вздрогнула, но не обиделась. Вика видела: вздрогнула, потому что это было правдой.

А потом она призналась, что рисует.

«Для издательства. Заказ. Я никому не говорила».

И в эту секунду Вика почувствовала, что внутри что-то раскрывается: широкая, тёплая, давно забытая радость. «Ну наконец-то», — сказала она. И это было единственное, что она могла сказать, чтобы не разрыдаться прямо в кафе.

Она написала на обороте визитки номер. Почти не дыша. Вручила. «В любое время суток. Без вопросов».

Полина взяла. Спрятала в карман. И Вика поняла: она не позвонит. Не сразу. Может, никогда. Но визитка будет лежать, и это уже что-то.

Дома, вечером, она ходила по квартире из угла в угол.

Её жених, Борис, кардиолог, добродушный, неторопливый, с мягкой бородкой и очень внимательными руками, сидел на диване с книгой и поглядывал на неё поверх очков.

— Ты нервничаешь, — сказал он.

— Нет.

— Ходишь и грызёшь ноготь.

— Я не грызу.

— Грызёшь. Левый большой.

Она остановилась. Посмотрела на ноготь. Действительно: обкусанный.

— Полина, — сказала она.

— Подруга?

— Да.

— Что с ней?

— Не знаю. — Вика села на подлокотник. — То есть знаю. Но не уверена. Она замужем семь лет. За человеком, которого я видела раза три. И каждый раз после этих встреч у меня одно чувство.

— Какое?

— Как будто я стою у закрытой двери, из-за которой слышно, как кто-то кричит. Но вроде и не кричит. Просто... тишина такая, что кричать хочется.

Борис отложил книгу. Снял очки. Он был не из тех, кто торопится с советами.

— И что ты хочешь сделать?

— Не знаю. Позвонить. Приехать. Забрать её.

— Заберёшь?

— Она не пойдёт.

— Тогда зачем?

— Не знаю. Чтобы знала, что можно.

Он помолчал.

— Знаешь, что мы говорим пациентам, когда у них сердце болит от стресса? — сказал он наконец. — Мы не можем заставить их жить спокойнее. Можем только дать нитроглицерин. Положить рядом. Сказать: «Если прихватит, вот». Они могут ни разу его не принять. Но знают, что он есть.

— Я должна быть нитроглицерином?

— Ты уже. Ты оставила визитку.

— Этого мало.

— Это начало. — Он взял её за руку. — Напиши ей. Одно сообщение. Не вопрос, не совет. Просто чтобы было.

— Что написать?

— То, что думаешь.

Вика взяла телефон. Открыла чат. Полина не была в сети. Последний раз заходила три года назад. Она долго смотрела на пустое поле, на мигающий курсор. Перебирала слова: «Прости», «Скучаю», «Если нужно», «Я рядом». Всё казалось либо слишком много, либо слишком мало.

Потом напечатала три слова, нажала «отправить» и положила телефон экраном вниз, словно он мог обжечь.

«Моя дверь открыта».

Сообщение ушло. Две серые галочки. Не прочитано.

Вика закрыла глаза. И впервые за три года ей стало чуть-чуть легче дышать.

Через неделю галочки всё ещё были серыми. Через две тоже. Но она не писала снова. Она знала: человек, который однажды получил такое сообщение, возвращается к нему. Не сразу. Может, ночью, в самый тёмный час, когда больше некуда идти. Нужно только, чтобы дверь, и вправду, была открыта.

Глава 7. Новоселье

Это было три года назад, в апреле.

Она запомнила дату, потому что в тот день шёл первый настоящий дождь: тёплый, весенний, с запахом мокрой земли, который проникал даже сквозь закрытые окна. Они закончили капитальный ремонт. Три месяца пыли, рабочих, запаха краски, и теперь квартира сияла, как новая: белые стены, светлый паркет, огромные окна, за которыми шумели тополя.

Глеб назвал это «новосельем». Хотя они жили здесь уже пять лет.

— Нужно отметить, — сказал он за завтраком. — Позвать друзей. Денис с Алиной, Ирина Львовна, пара партнёров. Человек десять.

— А мои подруги?

— Какие?

— Вика, например. Она давно не заходила.

— Конечно. — Он вежливо улыбнулся. — Если хочешь. Только, может быть, позже? В этот раз у нас деловой вечер. Тебе будет скучно.

— Мне нормально.

— Полин. — Он взял её за руку. — Я просто хочу, чтобы ты хорошо провела время.

Она кивнула. И не позвонила Вике.

К пяти часам вечера она почувствовала, что голова раскалывается.

Началось с лёгкого давления в висках, а к шести превратилось в тупую, давящую боль, от которой темнело в глазах. Она сидела на кухне, перебирала зелень для салата и вдруг поняла, что не видит ножа. Что-то мутное, дрожащее, как на дне пруда.

— Что с тобой? — спросил Глеб, входя.

— Голова.

— Мигрень?

— Не знаю. Никогда не было.

— Ты слишком много работала над ремонтом. Нервничала. Это от стресса. — Он подал стакан воды и маленькую белую таблетку. — Выпей. Это поможет. И ложись.

— Но гости...

— Я справлюсь. Скажу, что тебе нездоровится. Они поймут.

Она выпила таблетку, дошла до спальни, легла на кровать, не раздеваясь. Шторы были задёрнуты, в комнате стоял полумрак. Минут через двадцать боль начала отступать, уступая место вязкой, тёплой, непривычной слабости. Мысли путались, веки наливались свинцом.

«Надо встать, — подумала она. — Нельзя же...»

Она заснула.

Проснулась от звонка.

Не сразу поняла, что это домофон. Открыла глаза. В комнате было темно, за окном стучал дождь. Из гостиной доносились приглушённые голоса, смех, звон бокалов. Ночник на тумбочке не горел. Часы показывали четверть девятого.

Звонок повторился. Потом послышались быстрые шаги: Глеб прошёл по коридору, открыл входную дверь. Заговорил, тихо, ровно, вежливо. Другой голос ответил. Женский.

Полина приподнялась на локте. Сердце вдруг глухо ударило. Она знала этот голос. Звонкий, с чуть насмешливой интонацией. Голос, который когда-то будил её по утрам в общежитии: «Полька, вставай, опоздаем!»

Вика.

Она попыталась встать. Ноги были ватными, комната плыла. Она схватилась за спинку кровати, постояла, чувствуя, как кружится голова. Из коридора донеслось: «К сожалению, ей нездоровится. Лежит. Просила передать, что очень сожалеет». Потом: «Боюсь, не стоит».

«Я здесь! — хотела крикнуть Полина. — Я не сплю!»

Но голос не слушался. Только слабый хрип вырвался из горла.

Она сделала шаг. Ещё один. Добралась до двери, открыла, прислонилась к косяку. В коридоре никого не было. Только в прихожей, у зеркала, лежал на тумбочке маленький букет жёлтых тюльпанов, перевязанный лентой.

Дверь входная была закрыта.

— Глеб, — позвала она шёпотом.

Он вышел из гостиной, спокойный, с бокалом.

— Ты проснулась. Как самочувствие?

— Это кто был?

— Где?

— Сейчас. Кто-то звонил.

— Курьер.

— Но я слышала...

— Это был курьер, Полин. Доставка. — Он подошёл, обнял за плечи. — Ты ещё не отошла. Идём, я тебя уложу.

— А цветы?

— Какие?

— Вот. — Она показала на тюльпаны.

Глеб бросил на них короткий взгляд.

— Это Ирина Львовна передала. Через водителя. Я забыл поставить в воду.

— Но...

— Ложись, — сказал он ласково. — Ты слишком возбуждена. Это от таблеток. Я не должен был давать, не подумал. Прости.

Он вёл её по коридору, обняв за плечи, мягко, уверенно, как ведут больного. Она шла, чувствуя, как в голове снова наползает вязкий туман. Лежа на кровати, глядя в потолок, она слышала, как за дверью смеются гости.

Она подумала: «Мне показалось. Это был курьер. Это была просто доставка».

Она убедила себя. Это было нетрудно. Ей очень хотелось верить.

Утром она нашла лепесток.

Один-единственный, жёлтый, нежный, лежал на светлом паркете в прихожей. Маленький, смятый, как будто кто-то нечаянно наступил. Полина подняла его, положила на ладонь. Тюльпанов на тумбочке не было. Не было и вазы.

— Глеб, — сказала она за завтраком. — Куда делись цветы?

— Какие?

— Те, что принёс курьер. Вчера. Жёлтые.

— Ирины Львовны?

— Да.

— Я выбросил. Они завяли.

— Они только что...

— Полина. — Он положил вилку. — Что с тобой? Ты вчера переутомилась. Тебе всё мерещится. Я же говорю: мигрень. Нужно беречь нервы.

— Но лепесток...

— Это мусор.

Он улыбнулся. Тепло, участливо, с тревожной нежностью, с какой смотрят на хрупкого, немного не в себе человека. И она поняла, что не может спорить. Не потому, что он прав. А потому, что если она будет настаивать, то окажется ненормальной. Той, которая видит то, чего нет. А быть ненормальной страшнее, чем быть не услышанной.

Она положила лепесток в карман халата. Тайком, как кладут талисман. И никому не сказала.

Он пролежал там три года. Потом, в Заречье, когда она разбирала сумку, выпал из потайного кармашка, сухой, хрупкий, потерявший цвет, и она долго держала его в ладони, вспоминая, и вдруг поняла: никакого мусора не было. Была Вика, с тюльпанами и открытым сердцем, и человек, который закрыл перед ней дверь.

Она положила лепесток в блокнот, между листами. Рядом с рисунком лисы.

Глава 8. Сестра

Ксения приехала в Москву в пятницу, с двумя чемоданами декораций, шарфом, обмотанным вокруг шеи в шесть оборотов, и теми самыми рыжими волосами, которые в детстве называли «морковкой», а теперь в театральной студии именовали «фирменным цветом».

Её детская труппа выступала на фестивале на «Красной Пресне»: три спектакля в три дня, по два показа, и между ними один свободный вечер, который Ксения собиралась провести с сестрой.

— Мне нужно попросить, — сказала Полина вечером четверга, когда Глеб сидел у телевизора. — Ксюша приезжает. На один вечер. Мы бы встретились.

— Где?

— В кафе. Где-нибудь недалеко.

Он не оторвался от экрана. На нём шла какая-то политическая передача, и двое в галстуках орали друг на друга с вежливым остервенением.

— А в дом нельзя?

— Ты же не любишь, когда у нас гости.

— Верно, — согласился он. — Но кафе ты уже называешь «недалеко», а это значит, что ты не знаешь, где. Выбери нормальное место и скажи мне адрес. Я хочу быть спокоен.

— Хорошо.

— И к одиннадцати дома.

Она кивнула. Потом, помедлив, спросила:

— Ты разрешаешь?

Вопрос вырвался сам. Не «ты не против» и не «можно», а именно это слово, нелепое, детское. И она услышалауслышала его со стороны, как слышат запись собственного голоса, и подумала: когда это случилось? Когда я перестала спрашивать, а начала просить разрешения?

Глеб повернулся. На его лице было удивление, почти нежность.

— Дурочка, — сказал он. — Конечно, разрешаю. Я не тиран.

Кафе было маленьким, с кирпичными стенами и лампами в виде лампочек на проводах. Ксения пришла раньше, заняла столик у окна и, увидев сестру, вскочила так стремительно, что опрокинула сахарницу.

— Поля!

Они обнялись. Ксения пахла вокзалом, духами и немного краской для декораций, и Полина вдруг поняла, что это самый родной запах на свете.

— Господи, — сказала сестра, отстраняясь и разглядывая её. — Ты как будто выцвела. Ты ела вообще?

— Ела.

— Не ври. Закажем борщ. И пирожные. Я угощаю.

Она ворвалась в этот вечер, как в чужую комнату: открывая окна, двигая мебель, заполняя всё пространство собой. Рассказывала про своих подопечных, пятилетних лисиц и зайцев, которые путали текст, про режиссёра, который кричал на них шёпотом, про рыжего мальчика Фёдора, который на премьере вместо реплики громко сообщил залу: «Я хочу писать». Полина смеялась до слёз, и впервые за много месяцев смех не застревал где-то на полпути.

А потом Ксения отложила ложку и спросила:

— Ты счастлива?

Полина замерла.

— Что?

— Ты счастлива. Просто скажи. Да или нет.

— Ксюш…

— Да или нет, Поль.

Она хотела сказать «да». Это слово было заготовлено, отполировано, лежало на языке, как леденец. Но в голове возниклавозникла лиса, ждущая под северным сиянием, и «да» встало поперёк горла.

— Не знаю, — сказала Полина.

— Вот. — Ксения откинулась на спинку стула. — Это уже что-то. Раньше ты отвечала «конечно».

— Это не значит…

— Ты не живёшь, Поль. Ты дежуришь. Как на посту: сидишь, ждёшь, когда придёт проверка. Я наблюдаю за тобой три года. Ты даже ложку держишь так, будто за тобой смотрят.

Полина опустила взгляд на свою ложку и обнаружила, что действительно держит её двумя пальцами, как положено по этикету, и локти прижаты к бокам.

— Я просто привыкла, — сказала она.

— К чему?

— К порядку.

— К какому порядку, где муж проверяет твои покупки?

— Откуда ты знаешь?

— Ты мне сама рассказала. В прошлом июне. Помнишь? Про сыр.

Она не помнила. Всё чаще оказывалось, что она рассказывала людям вещи, которые потом забывала, а Глеб знал каждую.

— Слушай, — сказала Ксения, понизив голос. — Я не буду тебя уговаривать. Я за это три года отучилась, потому что ты каждый раз прячешься, как улитка. Но я хочу задать несколько вопросов. Можно?

— Можно.

— Где твой паспорт?

Полина моргнула. Вопрос был таким неожиданным и таким простым, что она не сразу поняла смысл.

— Дома.

— Где именно?

— В сейфе. Глеб хранит документы в сейфе. Для безопасности.

— Все документы?

— Да.

— И твой тоже?

— Да.

— Когда ты видела его в последний раз?

Полина задумалась. Потом ещё. Она пыталась вспомнить: поездка в Грецию, пять лет назад, тогда паспорт выдавали на границе, а потом отдавали обратно, и Глеб сразу убирал в сумку. Потом он ни разу не просил.

— Пять лет назад, — сказала она. — Или шесть.

— А если тебе нужно будет лечь в больницу? Оформить банковскую карту? Купить билет?

— Он всё сделает. Ему не трудно.

— Поля, — Ксения произнесла это очень мягко. — Ты хоть слышишь, что говоришь? Ты называешь человека, который держит твой паспорт в сейфе, «заботливым». Покажи мне хоть одного знакомого, у которого муж прячет паспорт жены.

— Он не прячет. Просто хранит.

— Он хранит, — повторила Ксения. — А ты не можешь достать, когда захочешь.

Полина молчала. Над столом висела тяжёлая тишина, прерываемая звяканьем посуды и чьим-то далёким смехом.

— Я рисую, — сказала она наконец, и голос её прозвучал неожиданно ясно. — Ксюша. Я снова рисую.

Ксения замерла.

— Что?

— Для издательства. У меня заказ. Я делаю пробные работы. Я никому не говорила, и ты не говори, пожалуйста. Особенно…

— Поля! — Сестра вскочила, рывком обогнула стол и обняла её так, что хрустнули рёбра. — Боже мой. Господи. Наконец-то. Где ты рисуешь? Что? Покажи!

— У меня нет с собой.

— Тогда расскажи!

И Полина рассказывала: про библиотеку, про лису, про чудесные пятна света на бумаге. Говорила и чувствовала, что говорит тише, чем хотелось бы, будто даже здесь, в этом уютном кирпичном подвале, кто-то мог слушать.

— Почему шёпотом? — спросила Ксения, и это был не упрёк.

— Не знаю. Привычка.

— Это не привычка. Это система.

Они помолчали. Потом Ксения сказала:

— Помнишь бабушкин дом?

— Заречье?

— Он до сих пор стоит. И он твой. Бабушка оформила его на тебя за год до смерти, ты помнишь? Мама тогда обиделась, а я сказала: правильно, Полька у нас единственная, кто не продаст его за первую же цену.

— Я забыла, — сказала Полина. — Совсем.

— Налог я плачу. Восемьсот рублей в год, это копейки. Мне Анфиса Петровна присылает фотографии, когда что-нибудь случается. В прошлом месяце крыша протекла. Но печка работает. Она заходит иногда, топит, чтобы не отсырело.

— Анфиса Петровна? Соседка?

— Единственная живая душа на всю улицу. Ей уже семьдесят два, и она по-прежнему лучше всех в деревне разбирается в людях. — Ксения помолчала. — Я не говорю, что ты должна ехать. Я говорю: он существует. Если когда-нибудь понадобится место, куда можно прийти, он там. С дырявой крышей, мышами и стариной Анфисой.

Полина смотрела на сестру, и в горле у неё стоял тугой тёплый комок.

— Ты думаешь, мне нужно уйти?

— Я думаю, что ты должна решать сама, — сказала Ксения. — Но если ты когда-нибудь придёшь ко мне в три часа ночи, я открою. Без вопросов. Без упрёков. С чаем и тёплыми носками.

Она потянулась в сумку, порылась и достала маленький свёрток в газетной бумаге.

— Это тебе.

— Что?

— Простой кнопочный телефон. Там даже интернет не включишь, зато номер оформлен не на тебя. Зарядка в комплекте, на счёте немного денег.

— Ксюша…

— Не спорь. — Она сунула свёрток ей в руки. — Спрячь куда-нибудь, где он не найдёт. И не говори мне, куда.

Они простились у метро.

Ксения долго стояла, не отпуская её рук, потом поцеловала в лоб, как маленькую, и сказала: «Я тебя люблю. Помни». Полина кивнула и пошла вниз, на платформу.

Она не заметила, что на другой стороне улицы, у тротуара, стоит чёрный «Мерседес».

Заметила только тогда, когда, выйдя из метро на своей станции, увидела знакомый силуэт: Глеб ждал её у выхода, в расстёгнутом пальто, с зонтом в руке.

— Я как раз проезжал мимо, — сказал он, улыбаясь. — Подумал, надо тебя встретить. Погода мерзкая.

— Спасибо.

— Как посидели?

— Хорошо.

— Ксения как?

— Всё нормально.

Он раскрыл зонт над ней, и они пошли по мокрому тротуару в сторону дома. Он вёл её под локоть, галантно, бережно, и никто из прохожих, глядя на эту пару, не мог бы заподозрить ничего, кроме заботы.

Уже дома, когда они вошли в прихожую и Глеб повесил зонт, Полина понялапоняла, что он не спросил, во сколько она вышла из кафе. Не спросил, о чём они говорили. Не спросил даже про адрес, который она так и не успела ему назвать.

Он знал, где она. И тогда, в среду, когда спрашивал про рынок и библиотеку, он тоже знал. Просто проверял, скажет ли она правду.

— Ты мне не сказала адрес, — произнёс он спокойно, расстёгивая пальто.

— Прости, забыла.

— Ничего страшного. Я нашёл.

— Как?

— Приложение. — Он повесил пальто на плечики. — Ты же знаешь, мы подключили друг другу геолокацию, когда у тебя была операция. Для безопасности.

Полина кивнула. Операцией он называл удаление зуба мудрости, пять лет назад.

— Конечно.

— Я не слежу, — добавил Глеб, мягко, почти ласково. — Просто хочу знать, что с тобой всё в порядке.

Он взял её лицо в ладони и поцеловал в лоб. И пошёл в ванную, насвистывая.

А она стояла в прихожей, глядя ему вслед, и сжимала в кармане маленький свёрток в газетной бумаге, который за весь вечер ни разу не достала. Он лежал там, как таблетка под языком, и от него шёл жар.

Глава 9. Тот вечер

Глеб стоял под душем, упираясь ладонями в холодный кафель, и смотрел, как вода уходит в слив.

Он не любил тратить на это время. Душ должен занимать семь минут: две на мытьё, две на бритьё, три на то, чтобы привести мысли в порядок. Этому его научил отец. Но сегодня мысли не приводились. Они метались по тёмной комнате, как птицы, залетевшие через форточку.

«Она рисует».

Он знал. Знал давно, уже две недели: приложение показывало, что по средам и четвергам она проводит по четыре часа в районной библиотеке на Комсомольском проспекте. Сначала он решил, что она читает. Потом, что встречается с кем-то. Потом наконец проверил её старую почту, пароль от которой лежал в его столе, и нашёл переписку с издательством.

Он ничего не сказал. Он умел ждать. Ждать, пока человек сам придёт и признается, это тоже форма доверия. Он дал ей две недели. Две недели она не сказала ни слова.

А сегодня вернулась от сестры с глазами, которые ему не понравились.

Он выключил воду. Вытерся, надел халат, подошёл к зеркалу. Из мутного стекла на него смотрел человек тридцати восьми лет, красивый, ухоженный, с серыми внимательными глазами. Вокруг рта две тонкие складки: отцовские. Он не любил их. Но не замечал, пока не вспоминал, что они есть.

В спальне Полина читала, сидя на кровати, подтянув колени к груди. Свет ночника падал на её лицо, на тонкие ключицы, на золотую змейку на запястье. Она не подняла головы.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да.

— Устала?

— Немного.

— Спи. Я посижу в кабинете.

Он поцеловал её в висок. Она ответила рассеянной, чуть натянутой улыбкой. И когда он вышел, закрыв за собой дверь, ему показалось, что он слышит, как она выдыхает.

В кабинете он налил себе коньяку, сел за стол и достал телефон. Открыл приложение. Зелёная точка на карте пульсировала в квартире, в их спальне. Дома. Хорошо.

Он смотрел на неё долго. Потом, сам не зная зачем, набрал номер матери.

— Глебушка, — сказала Ирина Львовна. — Поздно.

— Не спишь?

— Читаю. Что-то случилось?

— Нет. Просто.

Он помолчал. В трубке слышалось ровное дыхание, звон ложечки о чашку. Мать всегда пила на ночь чай с мятой.

— Она виделась с сестрой, — сказал он наконец.

— Знаю. Ты говорил.

— Мне кажется, она что-то задумала.

— Что именно?

— Не знаю. Она какая-то другая. Тихая. Задумчивая. Как будто... — Он не нашёл слова. — Как будто у неё в голове что-то, куда мне нельзя.

— Это нормально для женщины, — спокойно сказала Ирина Львовна. — Им нужны свои мысли. Главное, чтобы они не превратились в планы.

— Вот я и боюсь.

— Не бойся. Ты у меня умный мальчик. Помнишь, как твой отец говорил? «Женщина, как цветок: нужно поливать, но не давать разрастаться, иначе заполонит весь сад».

Глеб поморщился. Он помнил. Отец говорил это с улыбкой, поливая из лейки герань на балконе, и мать всегда кивала, и Глеб в детстве считал это мудростью.

— Ты слишком мягок с ней, — продолжала мать. — Я говорила. Позволяешь ей много. Библиотеки, подруги, рисунки. Это вредно. Женщине нужна семья, дом, порядок. Остальное её отвлекает.

— Мама, мне кажется...

— Что?

— Мне кажется, что я всё время боюсь.

Это вырвалось неожиданно, само. Он тут же пожалел. В трубке повисла тишина, долгая, плотная, как вата.

— Чего? — спросила мать наконец.

— Что она уйдёт.

— Не уйдёт.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что она слабая. — Голос Ирины Львовны стал ровным и холодным. — Не в обиду ей. Просто слабая. Такие не уходят. Они терпят. Я тоже терпела. И ничего.

Он хотел спросить: и тебе было хорошо? Но не спросил. Он никогда не спрашивал.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо.

— Поспи, мальчик. Завтра воскресенье.

Она отключилась. Глеб положил телефон на стол и сидел, не двигаясь, глядя в тёмное окно, в котором отражалась лампа и его собственное усталое лицо.

Ему было восемь, когда он впервые понял, что такое страх.

Они жили тогда в большой квартире на Остоженке, с тяжёлыми шторами, с рядами книг за стеклянными дверцами, с запахом отцовского табака и материнских духов. Отец, Сергей Руднев, был большим человеком: директором чего-то, у кого-то в подчинении было сто человек, и когда он входил в дом, всё в нём менялось. Мать вставала с дивана. Домработница убирала со стола лишнее. Сам Глеб замирал на ковре с машинкой в руках.

Отец никогда не кричал. Он был вежлив до жути. Он заходил в детскую, смотрел на игрушки, разбросанные по полу, и говорил тихим, ровным голосом: «Это что?» И Глеб, не поднимая глаз, отвечал: «Беспорядок, папа». «Верно. Убери». И пока он убирал, отец стоял в дверях и смотрел. Не угрожал. Не торопил. Стоялстоял.

А потом, вечером, за ужином, мать вдруг роняла ложку или говорила что-то не то, и отец поднимал на неё глаза. Всего один взгляд. И мать бледнела, замолкала, опускала голову, а Глеб, сидевший напротив, чувствовал, как в животе шевелится холодный комок.

«Вот так выглядит власть, — думал он, не зная этого слова. — Когда ты не можешь объяснить, чего боишься. Просто знаешь: делай так, как он хочет, и ничего не случится».

Он вырос в убеждении, что любовь и страх неразделимы. Что любить значит следить: чтобы не ушёл, не обманул, не нашёл другого. Что тот, кто не контролирует, не любит. Он видел это каждый день: мать, которая подавала отцу чай ровно в восемь, и отец, который, отхлебнув, говорил: «Холодный». Мать молча уносила и приносила другой.

Когда ему было четырнадцать, он нашёл в мамином шкафу письмо. Не любовное. Просто письмо подруги, которая жила в Питере и писала: «Ира, приезжай, поживёшь у меня. Тебе надо отдохнуть от него». Письмо лежало на дне ящика, за стопкой полотенец, прочитанное и перечитанное, со смятыми краями.

Он тогда ничего не сказал. Положил на место. Но с того дня стал следить. За матерью, за её звонками, за тем, кто к ней приходит. Он не знал, что делает. Просто знал: если она уйдёт, мир рухнет. Он был маленьким сторожем у ворот собственного дома.

Она не ушла. Через год он сам выбросил то письмо.

В два часа ночи он вернулся в спальню.

Полина спала, свернувшись калачиком, подложив ладонь под щёку. Лицо во сне было беззащитным, почти детским. Он стоял над ней и смотрел, и внутри что-то тихо, глухо, больно сжималось. Это была не злость. Не обида. Это было что-то тяжелее: страх, такой густой и давний, что он не знал, как его назвать.

«Ты такая красивая, — подумал он. — Ты не понимаешь, как я тебя люблю».

Он любил её. Это была правда. Он любил её лицо, её тонкие руки, её привычку покусывать кончик кисти, когда она задумывалась. Любил её тишину, её мягкость, готовность подстроиться. И когда она рисовала, он видел, что в этих линиях есть что-то, чего у него нет и никогда не будет: свобода. Тонкая, живая, неуловимая. Свобода, которую он не мог держать в руках.

Это пугало. Пугало до тошноты.

«Нужно показать ей, что бывает, когда меня нет, — подумал он. — Не наказать. Просто показать».

Эта мысль не была жестокой. Она казалась рациональной, почти педагогической: человек, который знает, что может потерять, ценит больше. Три дня молчания. Не крик, не упрёк. Просто отсутствие. Как выключить свет в комнате: пусть она увидит, какой тёмной бывает жизнь без него.

Он ложился в кровать и не заметил, что рука его, лежавшая на одеяле, мелко дрожит. Не заметил, что вместе с этим «педагогическим планом» где-то на дне души шевельнулось что-то другое: тонкий, тихий голос, который говорил: «Это не любовь».

Он не прислушался. Он никогда не прислушивался.

Он закрыл глаза. Но заснул только под утро.

Глава 10. Ледяной период

Это началось в субботу утром, и поначалу Полина даже не поняла, что именно началось.

Она встала в семь, как всегда, приготовила кофе, нарезала фрукты, накрыла на стол. Глеб вышел к завтраку в половине девятого. Сел. Развернул салфетку. Не поднимая глаз, взял вилку и принялся есть.

— Доброе утро, — сказала Полина.

Он кивнул.

— Хорошо спал?

Глеб прожевал, проглотил, отпил кофе. Положил вилку точно параллельно краю тарелки. Встал. Взял телефон со стола и вышел из кухни.

Полина осталась сидеть. Перед ней дымилась чашка, в тарелке остывал омлет, а в прихожей щёлкнул замок кабинета. Она подумала: «Ему просто нужно поработать». И съела свой омлет, не чувствуя вкуса.

К полудню она знала. К полудню у неё было то особое, ни на что не похожее чувство, которое возникает, когда в доме выключают отопление, не сказав почему: воздух вроде тот же, а согреться нельзя.

— Глеб, — сказала она, остановившись в дверях кабинета. — Что-то случилось?

Он сидел за столом, глядя в монитор. Пальцы лежали на клавиатуре и не двигались.

— Нет, — сказал он.

— Ты на меня сердишься?

— Нет.

— Тогда почему…

— Всё хорошо, Полина, — сказал Глеб ровным голосом, не повернув головы. — Не отвлекай, пожалуйста.

Она закрыла дверь. Постояла в коридоре. И почувствовала, что внутри начинает раскручиваться знакомая спираль: сначала лёгкая тревога, потом сухость во рту, потом лихорадочный поиск причины. Что я сделала? Что сказала? Не поздно ли вернулась? Не слишком ли долго обнималась с Ксенией? Не так посмотрела? Не то надела? Не то ответила?

Она перебирала вчерашний вечер по минутам, как следователь, и не могла найти ничего. Он встретил её у метро, был нежен, поцеловал в лоб. Что произошло между поцелуем и сегодняшним утром? Ничего. Ничего не произошло. Именно это и было невыносимо.

Так проходили дни.

Глеб не повышал голоса. Не хлопал дверьми. Не говорил ни одного грубого слова. Он пересталперестал её замечать. Отвечал на вопросы «да» или «нет». Ел в одиночестве, с телефоном у лица. Ночевал в гостевой комнате, которую раньше называл «кабинетом для друзей». Вещи его оставались на своих местах, но он двигался между ними, как человек в гостинице: вежливый, отстранённый, не имеющий никаких обязательств.

В воскресенье Полина испекла его любимый яблочный пирог. Он съел кусок и сказал: «Спасибо». Одно слово. Но оно прозвучало так холодно, что она ощутила его кожей, как ледяную каплю, скатившуюся за воротник.

В понедельник она погладила ему все рубашки, хотя гладить было не нужно. Положила на подушку записку: «Прости, что бы я ни сделала. Я тебя люблю». Утром записка лежала на тумбочке, нетронутая.

Во вторник у неё не получилось дышать. Не метафорически. Просто в какой-то момент, стоя на кухне над раковиной, она обнаружила, что вдохнуть можно только до половины, а

дальше что-то мешает, как будто грудь обтянули мокрой простынёй. Она схватилась за край столешницы и стояла так минуту, две, считая про себя, пока воздух не вернулся.

В среду она плакала в ванной. В четверг заставила себя улыбнуться отражению и поняла, что улыбка не держится.

Она не знала слов для этого состояния. Позже, много позже, когда у неё появится терапевт с мягкими руками и хриплым голосом, она услышит: «Это называется игнорирование как форма наказания. Вам делали больно, не касаясь вас». Но в те дни слов не было. Был только дом, ставший огромным и пустым, как зал ожидания, и она в нём, девочка, которая должна вот-вот заслужить прощение, а за что — неизвестно.

Прощение пришло в пятницу вечером.

Она сидела на диване, глядя в выключенный телевизор. Глеб вошёл в гостиную, постоял, потом сел рядом. Не вплотную, но близко. Вздохнул.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

Полина подняла глаза. Лицо его было усталым и очень грустным. Под глазами лежали тени, и сталостало видно, что он тоже плохо спал.

— Я не хотел быть таким, — сказал он тихо. — Я понимаю, что тебе было тяжело. Но и мне, Полин, было тяжело. Знаешь, каково это: приходить домой, где тебя не ценят?

— Я ценю.

— Ты не показываешь.

— Я стараюсь…

— Ты встречалась с сестрой, которая меня терпеть не может, — продолжал он. — Которая всегда была против нас. Возвращаешься, а у меня ощущение, что ты стала дальше. Я чувствую это, понимаешь? Каждый раз, когда ты с ней видишься, ты возвращаешься чужой.

— Это неправда.

— Ты не слышишь себя. — Он повернул к ней голову, и в серых глазах блеснула влага. — Мне больно. Мне просто больно, Полин. Я так для тебя стараюсь, а получаю взамен отчуждение.

Она смотрела на него и вдруг осознала, что готова расплакаться. От облегчения, как после долгого холода, когда наконец включают тепло. Он говорил, значит, он больше не молчит. Значит, она может исправиться. Значит, всё поправимо.

— Прости, — сказала она. — Глеб, прости меня. Я не хотела.

Он обнял её. Тяжело, крепко, как обнимают после долгой разлуки. Она уткнулась в его плечо, вдохнула знакомый запах одеколона и дрожащими руками обняла в ответ. Слёзы текли сами. Всё внутри оттаивало, и вместе с теплом шла жгучая, горькая, невыносимая благодарность.

— Я не хочу тебя терять, — шептал он ей в волосы. — Ты же знаешь, ты у меня одна.

— Я здесь.

— Давай договоримся: больше никаких тайн. Хорошо? Если хочешь встретиться с кем-то, ты просто спрашиваешь. Я же не против. Я просто хочу быть в курсе.

— Хорошо.

— Спасибо, — сказал он. — Я знал, что ты поймёшь.

Он поцеловал её. И Полина ответила на поцелуй, потому что иначе было нельзя, и в ту секунду, когда его губы коснулись её, она понялапоняла нечто страшное: она ощущает счастье. Настоящее. Тёплое, плывущее, от которого кружится голова. И это счастье возникло не из любви, а из того, что боль наконец прекратилась.

Он умел создавать ледяную пустыню, а потом приходить с чаем. И она каждый раз пила этот чай, как пьют те, кто заблудился в пустыне.

В ту ночь Глеб вернулся в спальню и уснул рядом с ней, обняв за плечи.

Полина дождалась, пока его дыхание станет глубоким и ровным. Потом осторожно высвободилась, взяла с тумбочки телефон и ушла в ванную.

Закрыла дверь на защёлку. Включила воду, чтобы шумела. Достала из-под стопки полотенец в нижнем ящике шкафчика свёрток: блок бумаги, акварель, кисти, стакан для воды, завёрнутые в спортивную сумку. Расстелила на краю ванны полотенце, положила сверху фанерную дощечку, которую утащила из подсобки в библиотеке, и поставила лист.

Ванная стала её мастерской ещё в первую ночь ледяного периода: когда Глеб ушёл спать в гостевую, ночи оказалисьоказались её. Теперь он вернулся, а она продолжала, потому что осталось совсем немного.

Она работала с часу до четырёх, пока в соседней комнате ровно дышал человек, считавший себя её хозяином. Было холодно, пахло шампунем и плиткой, колени затекали на кафельном полу. Но когда кисть касалась бумаги, всё это исчезало.

Первый разворот: лиса стоит под северным сиянием. Вторая картинка: лисёнок, выбравшийся из норы, разглядывает отражение неба в замёрзшей луже. Третья: лиса и лисёнок спят в снегу, свернувшись рыжим кольцом, а небо над ними медленно гаснет, и на востоке появляется тонкая золотая полоса.

Она рисовала и не думала. Только позже, рассматривая готовое, заметила: лиса на первой картинке смотрит вверх с таким терпением, что у зрителя щемит сердце. На второй лисёнок отражается в луже один, и никакой матери нет. А на третьей кольцо из двух рыжих тел замкнуто так плотно, что, казалось, никто на свете не сможет его разорвать.

«Я рисую себя, — подумала Полина. — Ту, которая ждёт. Ту, которая одна. И ту, которая когда-нибудь будет спать спокойно».

В понедельник она отнесла готовые листы в библиотеку, отсканировала на старенькой машине в читальном зале и отправила Нине. Потом сидела на деревянном стуле, прижав руки к груди, и ждала.

Ответ пришёл через час.

«Полина. Это ЛУЧШЕЕ, что я видела за последние два года. Лисёнок в луже, у меня слёзы. Я иду к главному редактору. Если он согласится (а он согласится), мы подпишем с вами договор на всю серию: шесть книг, аванс 90 тысяч рублей за каждую. Нам нужны ваш паспорт (скан) и реквизиты счёта для перевода. Когда можете прислать? Нина».

Она прочитала дважды. Потом ещё раз. Потом откинулась на стуле, и сердце рухнуло куда-то вниз, потому что слова «паспорт» и «реквизиты счёта» прозвучали, как два тяжёлых замка, щёлкнувших один за другим.

Паспорт лежал в сейфе.

А счёт, на который могли прийти деньги, был один: общий, с картой, привязанной к приложению, которое читал Глеб.

Глава 11. Шесть цифр

Сейф стоял в кабинете, за картиной.

Полина знала об этом семь лет и ни разу не открывала дверцу. Не потому, что не могла. Просто никогда не возникало необходимости. Сейф был Глебовой территорией, как его автомобиль, его бритвенный станок, его мнение о политике. Она не лезла. Ей и в голову не приходило, что лезть можно.

Картина изображала венецианский канал: тёмная вода, ржавые огни, гондола с одиноким гондольером. Глеб купил её на аукционе и считал, что в ней «чувствуется драма». Полина же всегда видела в ней только человека, который гребёт в пустоту.

В воскресенье утром Глеб уехал играть в теннис. Он всегда уезжал на три часа: тренировка, душ, обед с партнёрами. Она подождала, пока хлопнет дверь лифта, и ещё пять минут, и ещё две, пока не убедилась, что в доме нет ни звука. Потом прошла в кабинет, встала на цыпочки и сняла картину.

Серая металлическая дверца. Цифровая клавиатура, девять кнопок, мигающий красный огонёк. Шесть цифр.

Она положила ладонь на холодный металл. Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах.

— Хорошо, — сказала она вслух, чтобы услышать собственный голос. — Подумаем.

В первый год совместной жизни Глеб не прятал код. Он как-то раз, смеясь, объявил: «Пароль от сейфа это день, когда я тебя встретил». Она запомнила: двенадцатое апреля. Но когда попробовала набрать шесть цифр (12, 04 и две последние от года), огонёк мигнул красным. «Неверно».

Она попробовала дату свадьбы. Красный. Его день рождения. Красный. День рождения Ирины Львовны, потому что даже у Глеба были слабости. Красный.

Три неудачных попытки, и аппарат начнёт сигналить? Или заблокируется? Она не знала. Полина отступила на шаг, вытерла вспотевшие ладони о джинсы и заставила себя думать иначе.

Он не любит ничего случайного. Он выбирает цифры так же, как выбирает галстуки: с расчётом. Значит, это дата, которая для него что-то значит. Не очевидная, не та, что лежит на поверхности. Что-то, что напоминает ему о собственной власти.

И вдруг она вспомнила: за ужином, в ту осень, когда она получила диплом лауреата, он обнял её и сказал: «Ты понимаешь, что тебя теперь все будут куда-то звать?» А потом, глядя на неё странными глазами, добавил: «Я этот день запомню навсегда».

Это была пятница, четырнадцатое сентября.

Она набрала: 1, 4, 0, 9 и две последние цифры года.

Раздался тихий, мягкий щелчок.

Полина замерла. Потом, не веря себе, потянула дверцу. Она подалась без сопротивления, мягко, как хорошо смазанная.

Внутри лежали папки.

Три, аккуратно подписанные, по алфавиту. «Личные документы». «Недвижимость». «Заречье».

Она открыла первую. Сверху лежал её паспорт, серый, потёртый по краям, с фотографией одиннадцатилетней давности: двадцатилетняя девочка с испуганными глазами. Под ним диплом, свидетельство о рождении, диплом лауреата в прозрачном файле, СНИЛС, медицинский полис. Всё её, всё нужное, всё то, что делает человека человеком в глазах государства. Всё лежало здесь, за картиной с одиноким гондольером.

Она вытащила паспорт, раскрыла на первой странице. «Ветрова Полина Александровна». Не «Руднева»: паспорт она так и не поменяла. Глеб всё откладывал: «Потом, это же формальность». Странно, но это было единственным, что он не довёл до конца.

Руки дрожали. Она вынула телефон, положила паспорт на стол, сфотографировала разворот. Потом вторую страницу с пропиской. Потом аккуратно вернула документ на место, чтобы край лёг ровно на край.

Вторая папка оказалась скучной: квитанции, выписки, документы на квартиру. Она отложила её, не читая, и взялась за третью.

«Заречье».

На обложке рукой Глеба было выведено это слово, и что-то в почерке, в чуть наклонённой букве «З», в уверенной линии подчёркивания заставило Полину похолодеть. Она открыла.

Сверху лежала выписка из Росреестра, датированная тремя месяцами назад. «Жилой дом, площадь 124 кв. м. Земельный участок 22 сотки. Собственник: Ветрова Полина Александровна. Основание: договор дарения от такого-то числа». Дальше шла оценка: распечатка с сайта агентства недвижимости, красной ручкой обведено: «Участок на берегу, первая линия, перспективный. 6,5–8 млн». Рядом визитка. «Алексей Гром, ведущий специалист». На обороте от руки: «Уговорить до весны».

Под визиткой лежала доверенность. Печатная, на два листа, с пустыми строками для подписи. «Я, Ветрова Полина Александровна, доверяю Рудневу Глебу Сергеевичу продать принадлежащий мне дом…» Дата была не проставлена.

Полина стояла перед сейфом и читала, и слова расплывались перед глазами, как будто кто-то капнул водой на чернила. Он знал. Всё это время он знал про дом. Бабушкин дом на берегу Волги, место, где она в детстве лежала на тёплых досках веранды и слушала, как поскрипывают половицы, единственная вещь, оформленная на неё и ни на кого другого. Единственное, что у неё было.

Он не просто знал. Он готовил продажу.

«Уговорить до весны».

Она вспомнила последние месяцы: его странную нежность, внезапное предложение «оформить какие-то налоговые бумаги, ничего серьёзного, просто подпишешь». Она тогда сказала: «Потом». Он улыбнулся и промолчал. Теперь она понимала: это был не отказ от идеи, а пауза. Выжидание, как у охотника, который знает, что добыча всё равно придёт.

Полина достала телефон и сфотографировала каждую страницу. Выписку. Оценку. Визитку с надписью. Доверенность. Потом аккуратно сложила бумаги в том же порядке, закрыла папку, вернула на место и притворила дверцу сейфа. Щёлкнул замок.

Она повесила картину. Поправила раму. Постояла, глядя на венецианский канал.

Гондольер по-прежнему грёб в пустоту. Но теперь Полина видела на горизонте крошечную полоску света, которой не замечала раньше.

Она позвонила с кнопочного телефона из подъезда соседнего дома, села на ступеньки, прижалась спиной к холодной батарее и набрала номер, который Ксения когда-то продиктовала ей и просила забыть.

Гудки шли долго. Потом трубку взяли.

— Да? — Голос был хриплым, сердитым и очень живым.

— Анфиса Петровна? Это Полина. Внучка Лидии Ивановны.

На том конце повисла пауза.

— Полька? — спросили недоверчиво. — Это ты, что ли?

— Я.

— Ну, слава те господи. Я думала, ты уже померла. Десять лет тебя не видела.

— Нет, жива. — Полина сама не знала, смеётся она или плачет. — Простите. Я… Я давно не звонила.

— Не извиняйся. Ты что, в беду попала?

— Нет. То есть да. Не знаю.

— Ты там как, жива-здорова?

— Жива.

— Вот и хорошо. Дом твой стоит. Крыша протекла в апреле, я таз под неё поставила. Печка работает. Окна целые. Мыши есть, но я им не разрешаю шуметь.

— Спасибо. Я… Анфиса Петровна, можно вопрос?

— Валяй.

— К вам… в последнее время никто не приезжал? К дому?

Опять пауза. Короткая, но Полина услышала её, как слышат скрип двери в пустом доме.

— Приезжал, — сказала Анфиса Петровна. — В июле. Мужчина. Красивый такой, в светлом костюме. Приехал на чёрной машине, походил вокруг дома, пофотографировал, в окна позаглядывал. Я вышла, спросила, что надо. Он сказал, что оценщик. По поручению владелицы. Я ему говорю: «Владелица жива-здорова, но ничего мне не писала». Он улыбнулся и уехал.

Полина сидела, не двигаясь.

— Это был не оценщик, — сказала она.

— Я так и подумала, — спокойно ответила Анфиса Петровна. — У оценщиков не бывает таких ботинок. Это твой муж?

— Откуда вы знаете?

— Ксюша твоя рассказывала. Тоже жалела тебя. Говорила: «Полька у нас замуж вышла за красивого, а он красивый только снаружи». Что, правда?

— Не знаю, — честно сказала Полина.

— Знаешь, — сказала старуха. — Просто не хочешь говорить вслух. Ладно. Слушай меня. Ключ под вторым горшком от крыльца. Печку растопишь, дрова сложены в сарае. Если приедешь, постучись ко мне, у меня пироги. Не приедешь, тоже ничего. Но дом пока никому не отдавай. Это не просто дом, понимаешь? Это место, где у тебя была бабушка.

— Понимаю.

— Ну всё. Будь здорова. Звони, не пропадай.

Она положила трубку. Полина сидела на холодных ступеньках в чужом подъезде, держа в руке кнопочный телефон, и вдруг поняла, что дышит. Свободно, глубоко, до самого дна. Первый раз за много недель.

Потому что теперь она знала: где-то есть дом с дырявой крышей и печкой, которая работает. А на дальнем краю этого дома, на кухне, под образами, наверное, до сих пор висят её рисунки, детские, цветными карандашами, которые бабушка прикнопила в год, когда ей было семь.

Лиса на снегу. Лисёнок. Рыжее кольцо.

Она не ошиблась в выборе сюжета. Она просто не помнила.

Глава 12. Бумаги на подпись

В среду вечером Глеб принёс домой синюю папку.

Он положил её на край обеденного стола, пока Полина разливала суп, и ничего не сказал. Постоялпостоял, поправил манжету, сел. Она заметила папку сразу, как замечают в комнате чужого человека, но сделала вид, что не видит. Это уже давалось легко: за последние недели Полина научилась смотреть мимо вещей, которые на самом деле видела очень хорошо.

— Вкусно, — сказал Глеб, пробуя суп. — Чуть пересолено, но вкусно.

— Прости.

— Ничего. Кстати, надо подписать пару бумаг. Ерунда, налоговая формальность.

Вот оно. Полина опустила ложку. Сердце не забилось быстрее, и это тоже было странно: она словно ждала этого, как ждут давно обещанной грозы, и теперь, когда небо наконец потемнело, внутри стало тихо.

— Какие бумаги?

— Ничего особенного. Документы для вычета по недвижимости. Подпишешь в трёх местах, и всё.

— Можно я прочитаю?

Глеб поднял глаза. На секунду в них мелькнуло удивление, но почти сразу оно сменилось мягкой, чуть насмешливой улыбкой, с какой смотрят на ребёнка, который впервые попросил завязать шнурки самому.

— Конечно, дорогая. Зачем тебе? Там сплошная бюрократия.

— Мне просто интересно.

— Ну пожалуйста.

Он открыл папку и подвинул её через стол. Полина вытерла руки салфеткой и стала читать.

Это были те же самые два листа, что лежали в сейфе. Только дата теперь была проставлена. «Доверенность. Я, Ветрова Полина Александровна, настоящей доверенностью уполномочиваю Руднева Глеба Сергеевича продать принадлежащий мне на праве собственности жилой дом и земельный участок по адресу…»

Она читала не торопясь, водя пальцем по строчкам, как читают дети. Прочитала до конца. Перевернула лист. Вернулась к началу.

— Здесь написано «продать», — сказала она.

— Это стандартная формулировка.

— Для вычета не нужно продавать.

— Полин, ты же не юрист. — В голосе Глеба появилась лёгкая, пока ещё дружелюбная нотка нетерпения. — Это техническая вещь. Чтобы я мог оформить документы от твоего имени, нужна доверенность. Формулировка такая, потому что иначе не принимают.

— Какой дом?

— Что значит «какой»? Твой. Бабушкин. В этом Заречье.

Она смотрела на него. На красивое лицо, на гладко выбритый подбородок, на глаза, в которых не было ни тени сомнения. И понялапоняла: он не боится, что она догадается. Он вообще не допускает такой возможности. Для него это нормально: взять чужую вещь, распорядиться ею и ждать благодарности.

— Мы никогда не говорили о продаже, — сказала Полина.

— А зачем говорить? Дом разваливается. Крыша течёт, ты сама знаешь. Он стоит там пустой, а налог растёт. Я просто хочу его пристроить.

— Откуда ты знаешь про крышу?

Короткая пауза. Едва заметная, как пропущенная ступенька.

— Ты говорила. Давно.

— Я не говорила.

— Полина.

— Я не подпишу, — сказала она.

Слова вышли тихо и очень чётко. Они упали на стол, как две монеты, и покатились между тарелками.

Глеб отложил ложку.

— Что?

— Я не подпишу эту бумагу. Дом остаётся у меня. Я не хочу его продавать.

— Ты не хочешь.

— Нет.

— Ты, — он произнёс это очень ласково, — не хочешь. А ты в курсе, что мы тратим на содержание этого дома налог? Что он простаивает? Что на эти деньги можно…

— Это не наши деньги. Это мой дом.

— Твой? — Он засмеялся. Коротко, сухо, одним выдохом. — Полин, ты понимаешь, что говоришь? Всё, что у тебя есть, всё, что ты ешь, что носишь, где спишь, всё это моё. Ты хочешь поговорить о том, что твоё?

— Глеб.

— Нет, давай поговорим. — Он отодвинул стул. — Давай поговорим. Ты пришла ко мне с коробкой акварели и комнатой в коммуналке. Я дал тебе всё. Я вытащил тебя из грязи, я обучил тебя, я одевал тебя, я возил тебя в Европу. Ты помнишь, как ты не знала, какой вилкой есть?

Он вскочил. Ладонь с размаху ударила по столу. Тарелки подпрыгнули, суп выплеснулся на скатерть жирным оранжевым пятном.

— А теперь ты сидишь тут и говоришь мне «нет»?!

Полина вжалась в спинку стула. Не от удара, до удара было далеко, а от звука. Низкого, гулкого, раскатившегося по кухне, как выстрел. За семь лет Глеб ни разу не повысил на неё голос. Холод, молчание, вежливые упрёки, терпеливое разочарование, но не крик. И теперь этот крик ударил в неё всем телом, и первое, что она почувствовала, был не страх. Был странный, почти научный интерес: так вот он какой.

Так вот он какой, настоящий.

Глеб стоял над ней, тяжело дыша. Лицо его покраснело, на виске билась жилка. Секунду, две, три она смотрела на него снизу вверх и не отводила глаз. И что-то в её взгляде, неподвижном, пристальном, чужом, заставило его замолчать.

Он моргнул. Резко выпрямился. Провёл ладонью по лицу.

— Прости, — выдохнул он. — Господи. Прости. Я не хотел.

Он опустился на стул. Плечи его осели, пальцы мелко дрожали, и в этой слабости было что-то такое отчаянное, такое настоящее, что у Полины на мгновение защемило сердце. Она ведь знала этот механизм. Знала наизусть: взрыв, потом раскаяние, потом нежность. Но знать механизм и не поддаться ему оказалось разными вещами.

— Я устал, — сказал Глеб тихо. — Просто очень устал. Работа, проблемы, а ты тут… Я не хотел кричать. Просто мне больно, когда ты мне не доверяешь.

— Дело не в доверии, — сказала Полина.

— Тогда в чём?

— В том, что я хочу прочитать то, что подписываю.

— Ты прочитала.

— И не буду подписывать.

Он смотрел на неё долго. Потом тяжело кивнул, закрыл папку и сказал совсем другим, уже усталым и ровным голосом:

— Хорошо. Подумай. У тебя есть время до воскресенья.

Он встал, взял папку и вышел. Дверь кабинета закрылась мягко, без хлопка.

Полина осталась сидеть в тишине. Суп остыл. На скатерти расплывалось пятно, и она смотрела на него и думала о том, что руки перестали дрожать. Только сейчас. Хотя дрожали они всё время, просто она не замечала.

Она сказала «нет». И мир не рухнул. Люстра не упала, пол не провалился, никто не умер. Только внутри что-то очень тихо, очень осторожно повернулось, как ключ в замке, который давно ржавел.

Глава 13. Вокзал

Она ушла в субботу утром, в восемь тридцать, оставив на тумбочке в спальне свой смартфон.

Это было единственное, что она придумала заранее. Приложение с геолокацией висело на этом телефоне, и пока он лежал в квартире, Глеб, если полез бы смотреть, увидел бы тёплый кружок на карте: дома. В сумке лежал только кнопочный, купленный Ксенией. И деньги. Тридцать две тысячи триста сорок рублей в конверте, вынутом из Чехова.

Глеб уехал играть в теннис в восемь. Она выждала десять минут. Потом прошла в кабинет, сняла картину с венецианским каналом, набрала шесть цифр. Дверца щёлкнула.

Паспорт лежал на прежнем месте. Диплом лауреата. Свидетельство о рождении. Она взяла всё это, сложила в плоскую папку, сунула в сумку. Потом, поколебавшись, достала из третьей папки доверенность и выписку из Росреестра, тоже спрятала. Закрыла сейф, повесила картину и вышла, не оглядываясь, в прихожую, где в ряд, носками к стене, стояли её туфли.

Она вышла на лестничную площадку. Нажала кнопку лифта. Пока кабина ехала, прижималась спиной к холодной стене и повторяла про себя: «Не думай. Просто иди».

На улице моросил дождь. Она дошла до метро, доехала до Комсомольской, купила билет на поезд до Иванова, а оттуда автобус до Плёса и ещё немного пешком до Заречья. По расписанию она успевала до темноты.

На Ярославском вокзале было людно и шумно. Дети, чемоданы, запах пирожков и мокрых курток. Полина села на скамейку возле выхода на платформу, поставила сумку на колени и вдруг ощутила, что у неё дрожат ноги. Не от страха, а от облегчения, как у человека, который долго нёс тяжёлую ношу и наконец поставил на землю.

Она достала кнопочный телефон. Нужно было сказать Ксении, что она едет. Потом, подумав секунду, сделала то, чего делать не следовало.

Она набрала маму.

Валентина Сергеевна подняла трубку после первого гудка.

— Алло? Кто это?

— Мам, это я. Я звоню с другого номера.

— Поленька? Что случилось? Ты откуда?

— Мам, я ухожу от Глеба.

Тишина.

Потом голос матери, внезапно тонкий и высокий, как у человека, которому на ногу упал тяжёлый предмет:

— Что значит «ухожу»?

— Я решила. Я больше не могу так жить. Я еду в Заречье, в бабушкин дом. Мне нужно, чтобы кто-то знал…

— Ты с ума сошла? — Мать почти закричала. — Какое Заречье? У тебя муж! У тебя дом, квартира, всё есть! Ты что, думаешь, там тебя ждут? Одна, без денег, без работы!

— Мам.

— Он тебя содержит! Он тебя любит! Что ты ещё хочешь?

— Мам, пожалуйста, просто…

— Где ты? Скажи сейчас же, где ты!

Полина закрыла глаза. Хотелось повесить трубку, но пальцы словно приросли к кнопкам.

— На вокзале.

— На каком?

— Мам…

— На каком, я спрашиваю! Дочка, послушай меня. Мужчины не все одинаковые, ты не знаешь, какие бывают хуже. Я сама пятнадцать лет одна, знаю, каково это. Не смей! Не смей так делать!

— Я уже решила.

— Я позвоню Глебу.

— Мама, не надо…

Гудки.

Полина сидела с трубкой в руке и смотрела в пустоту. Мимо шёл мужчина с тележкой, на которой качались клетки с кроликами. Над головой диктор бесстрастно объявлял отправление электрички.

Она не пошла к платформе. Это было странно: она могла встать и уйти, пока мать звонила. Но что-то в ней обмякло, как марионетка, которой обрезали нитки. «Я просто подожду, — сказала она себе. — Только объясню ему. Он всё поймёт».

Но она знала. Знала, что ждёт не поэтому.

Он приехал через сорок минут.

Она увидела его издалека: высокий, в тёмном пальто, без зонта, с мокрыми волосами. Он шёл по залу не быстро и не медленно, спокойно, как человек, у которого всё под контролем. Люди расступались перед ним сами. Подойдя к скамейке, он остановился.

— Здравствуй, — сказал Глеб.

— Здравствуй.

Он не стал садиться. Просто стоял и смотрел на неё сверху. Потом вдруг, у всех на глазах, медленно опустился на колени на грязный кафельный пол вокзала, и Полина услышала, как по залу пронёсся тихий шёпот.

— Не уезжай, — сказал он.

Голос его был сорван, хриплый, не его. Она никогда не слышала, чтобы он говорил так.

— Глеб, встань.

— Нет. Я не встану. Я виноват. Я знаю, что виноват, я вёл себя ужасно. Я ослеп. Я столько лет думал, что делаю всё правильно, а на самом деле причинял тебе боль.

— Пожалуйста.

— Я записал нас к психологу. — Он вынул телефон, показал экран дрожащей рукой. — Вчера записал. Смотри, подтверждение. Четверг, в шесть. Если ты уйдёшь, я пойму. Но дай мне один шанс. Один. Я изменюсь. Я буду ходить на терапию, буду слушать тебя. Я отдам тебе под мастерскую комнату. Хочешь рисовать? Рисуй. Я куплю тебе всё.

Он плакал. По-настоящему, слёзы катились по щекам и падали на воротник пальто, и никто из проходящих не отводил глаз. Женщина с сумкой остановилась рядом и сказала Полине вполголоса:

— Девушка, не дурите. Видите же, человек любит.

Полина подняла голову. Вокруг стояло несколько человек, смотрели на них, как смотрят в театре на хорошо разыгранную сцену. И каждый, абсолютно каждый, был на его стороне. Потому что он стоял на коленях. Потому что плакал. Потому что был красивым, богатым, раскаявшимся мужчиной, а она сидела на скамейке с сумкой, как беглянка.

— Я не знаю, как жить без тебя, — сказал Глеб тихо. — Правда.

И вот это было настоящим. Она увидела это в его лице: страх, огромный, животный страх остаться одному. Не любовь. Но, может быть, он и сам не мог отличить одно от другого.

— Хорошо, — сказала она.

Слово вышло само, как выдох. Глеб замер. Потом вскочил, подхватил её сумку и обнял её, крепко, до хруста рёбер, а вокруг кто-то неуверенно захлопал.

Полина стояла в его объятиях и смотрела поверх плеча на электронное табло. «Иваново, 11:42. Посадка завершена».

Дома он поставил её сумку на пол в прихожей и, не раздеваясь, пошёл в кабинет.

— Что ты делаешь? — спросила Полина.

— Убираю документы.

Он вернулся через минуту, держа в руках плоскую папку, ту самую, которую она вынула из сейфа и положила в сумку. Он достал её, пока они ехали домой. Он ничего не говорил, но теперь она поняла: он видел всё.

— Я заберу, — сказал Глеб спокойно. — Это пока побудет у меня. Чтобы ты не совершила глупость.

— Это мой паспорт.

— Конечно. Я его верну, когда ты будешь… когда мы будем готовы.

Он говорил мягко, с той самой терпеливой интонацией, с какой врач сообщает больному, что ему лучше пока не вставать. Глаза его были ясными, добрыми, совершенно чистыми. Она смотрела на него и чувствовала, как что-то внутри тихо закрывается, как створки раковины.

Он ушёл в кабинет. Через минуту она услышала шелест картины, потом ряд коротких звуков: кнопки сейфа. Не шесть, а больше, и дольше.

Он менял код.

Глава 14. Хорошая неделя

Первая неделя после вокзала оказалась лучшей за семь лет.

Это было самым страшным. Полина понимала это уже тогда, на второй день, когда утром проснулась и обнаружила на тумбочке завтрак: кофе, тост, апельсиновый сок и чайную розу в тонкой вазе. Глеб сидел на краю кровати, в халате, и улыбался.

— Доброе утро, — сказал он. — Я решил, что тебе нужно отдохнуть. Сегодня никаких дел.

Он не лгал. Это было ужасно: он не лгал. Он действительно хотел её порадовать, и всё в нём излучало такую искреннюю заботу, что на секунду Полина почти поверила в возможность чуда. Что человек может измениться, если очень сильно захочет. Что любовь побеждает. Что она просто не так старалась.

В понедельник он повёз её в ресторан. Во вторник купил билеты на выставку, на которую она когда-то мечтала попасть. В среду привёз огромный букет белых пионов и подарил ей на кухне, при всех, будто праздник. В четверг они пошли к психологу.

Кабинет находился на Пречистенке, в тихом особняке, где пахло деревом и свежим кофе. Психолог, Артур Борисович, мужчина лет пятидесяти с аккуратной бородкой и вкрадчивым голосом, оказался, как выяснилось, давним знакомым семьи. Глеб представил его почти как друга: «Мы с Артуром в одном клубе». Полина услышала это и ничего не сказала.

Сеанс длился час. Глеб говорил много и красиво. Рассказывал о стрессе, о том, как сложно вести бизнес, о том, что он, возможно, был слишком требовательным, но только потому, что очень любит. Артур Борисович кивал, делал пометки, задавал мягкие вопросы. Потом повернулся к Полине.

— А вы, Полина? Что вы чувствуете?

Она посмотрела на Глеба. Тот сидел с открытым, ожидающим лицом.

— Я… не знаю.

— Это нормально. — Психолог улыбнулся. — Вам, как мне кажется, стоит поработать над доверием. Иногда мы воспринимаем заботу как контроль. Особенно если есть травматичный опыт.

— Какой опыт?

— Детство, например. Отец ушёл, мать одна, вы росли без опоры. Это формирует тревожную привязанность. Вы можете бессознательно ждать подвоха там, где его нет.

Полина молчала. Слова падали одно за другим, аккуратные, продуманные, и в каждом был зерно правды, а целое оказывалось ложью. Она вдруг ясно увидела, как это устроено: самое лёгкое, самое действенное оружие против человека — убедить его, что проблема в нём.

— Спасибо, — сказала она. — Я подумаю.

На выходе Глеб поцеловал её в висок и шепнул:

— Видишь? Всё будет хорошо.

В субботу он показал ей студию.

Это была бывшая комната для гостей, самая светлая, с окнами на тополя. Глеб нанял рабочих, и за три дня здесь успели покрасить стены в тёплый белый цвет, постелить мягкий светлый ковёр, поставить огромный дубовый стол и мольберт, на котором ещё висела бирка из магазина. На полках стояли акварель, гуашь, тушь, кисти, блоки бумаги, всё лучшее, что можно было достать в Москве.

Полина остановилась на пороге. У неё перехватило дыхание.

— Это тебе, — сказал Глеб. — Для работы.

— Глеб…

— Я хочу, чтобы ты рисовала. Правда. Я многое понял. Это твоя жизнь, твой талант, и я не имел права его прятать. Всё это твоё.

Она прошла к столу, провела рукой по гладкой столешнице. Дерево было тёплым. Она открыла коробку с акварелью: двадцать четыре тона, глубокие, насыщенные. У неё защипало в глазах.

— Спасибо, — сказала она. Голос дрогнул.

— Только, — Глеб слегка придержал её за плечо, — давай договоримся. Дверь будет открытой. Чтобы я мог зайти, посмотреть, как ты работаешь. Ты же не против? Я просто интересуюсь.

Она кивнула.

— И рисуй, пожалуйста, днём. Вечером мне хочется, чтобы мы были вместе.

— Хорошо.

— И никаких секретов. Договорились?

— Договорились.

Он улыбнулся и поцеловал её в макушку.

Она осталась одна. Села за дубовый стол, взяла в руку новую кисть, мягкую, хорошую, с тонким кончиком. Положила лист. Провела линию. И понялапоняла: рука не слушается. Точнее, она слушается слишком хорошо, но линия получается чужая. Спокойная, правильная, дисциплинированная, как лицо на портрете.

Она сидела, глядя на лист, и чувствовала, как нарастает тревога. Дверь за спиной была открыта. Из коридора доносились шаги, тихие, мягкие, и Полина не могла бы сказать, идёт ли Глеб мимо или останавливается.

Она не рисовала так даже в художественной школе, под взглядом самого строгого педагога. Слишком много света, слишком много воздуха, слишком мало места, чтобы спрятаться.

К четвергу она сделала три рисунка.

Это были аккуратные, спокойные, красивые вещи. Цветущая ветка, чайная чашка, собака в окне. Глеб заходил, смотрел, кивал, говорил: «Мило». Один раз сказал: «Знаешь, может, добавить цвета? Детям нужно что-то повеселее».

— Повеселее?

— Ну, лиса, например. Она у тебя какая-то грустная. Кому это интересно?

— Это не для детей. Это для редактора.

— Тем более. Они любят яркое. — Он подошёл, обнял сзади за плечи. — Просто совет. Ты же сама просила честного мнения.

Она не просила. Но промолчала.

В пятницу пришло письмо от Нины. Полина читала его в читальном зале библиотеки, на ноутбуке сестры, который теперь прятала в нижнем ящике комода и вынимала раз в несколько дней, когда удавалось сбежать.

«Полина, добрый день! Главный редактор в восторге от ваших работ. Мы готовы подписывать договор. Мне нужны скан паспорта и реквизиты счёта, чтобы выставить аванс. Когда сможете? Нина».

Она долго смотрела на экран. Потом написала: «Нина Андреевна, у меня сложные обстоятельства. Я пришлю документы в течение месяца. Прошу вас немного подождать». Нажала «отправить» и закрыла глаза.

Месяц. У неё было меньше. Она чувствовала это кожей: время, которое Глеб ей дарил, это не подарок, а кредит. И процент по нему растёт каждый день.

Вечером он пришёл с работы весёлым. Налил вина, включил музыку. Они ужинали при свечах, и он рассказывал забавные истории про партнёров. Полина смеялась в нужных местах. Потом он сказал:

— Кстати. В субботу у меня день рождения.

— Я знаю.

— Мама хочет устроить приём в «Пушкине». Человек пятьдесят. Все наши. Ты, конечно, будешь рядом.

— Конечно.

— Купи себе платье. Хорошее. Я дам карту.

— Спасибо.

— И, Полин. — Он взял её руку и поцеловал. — Я так рад, что мы всё наладили. Знаешь, я долго думал. И понял: нам с тобой просто нужно было немного времени. Теперь всё будет хорошо.

Она кивнула. Он улыбнулся.

А она смотрела на его пальцы, держащие её запястье, и думала: он ни разу не сказал «доверенность». Ни разу. За всю эту неделю. Он ждалждал. Дарил цветы, водил на выставки, делал студию, и ждал. Как рыбак, который не бросает сеть, пока не уверен, что рыба совсем успокоилась.

Воскресенье, до которого ей давалось время подумать, давно прошло. Но он ни разу об этом не напомнил.

Это пугало больше, чем любой крик.

Глава 15. Звонок

Нина Старцева курила на балконе, хотя бросала уже одиннадцать раз.

Пятнадцатый этаж, октябрьский ветер, вид на серые крыши и огни дальнего шоссе. В руке догорала сигарета, под ногами стояла чашка с остывшим кофе, а в голове крутилась одна фраза: «Мне очень жаль, но моя жена не сможет работать».

Прошёл час после звонка, а она всё ещё слышала этот голос. Мягкий, вежливый, с лёгкой, едва уловимой усталостью человека, привыкшего улаживать проблемы. Голос, которому хотелось верить.

Именно поэтому она не поверила.

Он позвонил в половине пятого, когда в издательстве шла планёрка.

Секретарь заглянула в переговорную: «Нина Андреевна, вас просит какой-то мужчина. Говорит, по поводу Ветровой». Нина извинилась перед коллегами, вышла, взяла трубку.

— Слушаю.

— Добрый день, Нина Андреевна. Меня зовут Глеб Руднев. Я муж Полины Александровны Ветровой.

Она знала это имя. Две недели назад получила три разворота лисицы, сдержанно, почти робко отправленные, и до сих пор перебирала их в голове, как драгоценность. Она помолчала секунду.

— Здравствуйте. Чем могу помочь?

— Я звоню, чтобы принести извинения. Моя жена, к сожалению, оказалась в сложной ситуации. У неё проблемы со здоровьем. Эмоциональное истощение, возможно, депрессия. Врачи рекомендуют полный покой. Любая нагрузка в ближайшее время может ухудшить её состояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.